

Александр ЗАЙЦЕВ

КРУГИ НА ВОДЕ

Повесть

- Еще мы скинулись... слушай... а еще, кроме охраны, ну чопа, мы скинулись на металлоде-
текторы и...
- Ров с крокодилами.
- Смех.
- Зато там теперь три кольца...
- Ну, чем рисковать...
- Угу, угу, – многие кивнули.
- Это по месту жительства?
- Да, но это Большая Ордынка, так что...
- У нас тоже хорошая школа была.
- Помнишь Савицкого?
- Конечно, где он?
- Где-то.
- То есть Лена там учится?
- Ее глядят по голове.
- Да.
- Лена похожа на плюшевого медвежонка.
- Ты в каком классе?
- В пятом.
- Официанты вокруг так и скачут.
- Знаете, детские модельные агентства обычно шняга, они детей ломают. Но это проверенное
- много рекомендаций, знакомые...
- У Лены почти нет бровей. Выщипаны?
- А я нашел Савицкого в фб. Вот.
- О, господи!
- Что там?
- Что там у него?
- Красные флаги на аватарке.
- Смех.
- А мы... Я не рассказывал... Мы нашего Лешу лечили.
- От чего?
- Опухоль мозга.
- О...
- Мы боролись. Два года, теперь всё нормально – полная ремиссия.
- Уф.
- Господи, как страшно.

Александр Зайцев родился в 1979 году в Ставрополе. Лонг-лист премии Дебют–2005 (короткая проза). Автор книг «Старое общежитие» (2009), «Тектоника» (2012), «Убежище Бельвью» (2020). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новый берег», «Крещатик», «Формаслов» и др. Живет в Москве.

- Ты не говорил.
- Ребенок...
- Да-да...
- Слава богу.
- Настоящий боец.
- Вы же в Нью-Джерси?
- Уже восемь лет.
- Вы должны благодарить здравоохранение нормальной страны, врачей штата...
- Мы лечились здесь, в Москве.
- Это чудо. Дай бог, чтобы всё...
- За здоровье детей.
- Давайте.

Когда пришла моя очередь, я пожелал всем преумножения достатка.

Джаник, Гладилина, Ляшковский. У нас действительно была непростая школа.

Пока болтали, я от души сожрал стейк.

Даша и Галя. Даша в Ментоне с Эрвье держит ресторан и против Путина. А Галя здесь организует выставки и патриотка. Спорили-спорили, а потом решили, что Галя в марте приедет к ним погостить.

В целом у нас дружный класс.

Я из сборищ всегда вынырываю. Как из бассейна: освежает, но всё же другая среда.

Такси вызвала Света.

Завтра отлет на форум.

Питер скачет по погоде – как всегда. Солнце, ливень, снег с дождем, солнце, ветер.

Плохо, что фуршет устроили на теплоходе, по идее он должен был неспешно бродить по каналам, а мы – наслаждаться общением с бокалами на открытой палубе, но из-за этих скачков мы то выпали на палубу, то прятались в баре, потом на палубе стало совсем неприятно, и все сбились внизу, было душновато, хотя работали кондиционеры.

Зато на форуме – на официальной части – можно было не жаловаться на духоту. Особенно когда выступал Гарант – тогда, видимо, из боязни ковида, в зал повернули воздушные пушки, и они выдували всё с такой чудовищной силой прочь от него, что, казалось, нам снимет скальп.

Вообще форумы больше для статуса, чем для реальной работы. Реальная работа – на 90 процентов – не выходя из офиса. Если не считать поездок к особым клиентам. Но то другая история.

Звонит Вова. Я не понял, что он хочет сказать. Разобрал «братишка» и «обнимаю». Вову жалко, его время ушло.

В девяностые я смотрел на него как на бога. Он же на сколько? – на двенадцать лет старше. Вел бизнес, когда я еще учился. «Элитная водка» – мотался по заводам, наводил контакты... откаты... А к нулевым это всё постепенно рассеялось, – понадобились топы с настоящим образованием, экономисты... Примерно как в «Жмурках»: теперь охранник в Мытищах.

Я беру и разгоняюсь на лэндровере по прямой до ста сорока. Есть пустынные улицы без камер, где это делать безопасно, – как на Яузской аллее. Важно самому понять, когда твое время ушло. Причем в разных смыслах, не только про бизнес: про очередной возраст, например, и то, что ты из него вышел. В любом случае печально, как ни крути, но, если принять этот переход во время, по крайней мере не будешь смешным. Улица заканчивается за несколько секунд.

День рождения Ибрагимова в яхт-клубе. Скинулись, собственно, на яхту – круглая дата. Над водохранилищем самолеты каждые пять минут – в и из Шереметьево. Это, конечно, не яхта в морском смысле – такая у него есть, – а крупный прогулочный катер с мачтой. Вполне подъемно.

Я люблю его короткой стрижкой, проседью, осанкой, ладным скромным пиджаком, пока он общается с гостями. Невероятный мужик. Подтянутый, культурный, готовый работать 24/7. Без понтов, – они для тех, у кого труба пониже и дым пожиже (где это слышал?).

Стою у причала, вода хлопает об бетон. Он подходит, говорит:

– Толя, дорогой. Есть проект в Казахстане, пришло детали.

Киваю. Жмем руки.

Смотрю на водохранилище: от ветра легкие волны.

А начиналось с того, что просто был клиентом нашего банка. Теперь я его консультирую... Десять лет уже, – можно сказать, друзья...

Звучит музыка. На открытую сцену возле клуба выходит Киркоров.

В 21:00 начинается фейерверк. Позже еду домой.

Между прочим, Ибрагимов пригласил в Крым – в любой день до 20-го. Не знаю, смогу ли, да и зачем.

Дома выставляю освещение на минимум, кондиционер на шестнадцать.

В воскресенье в офис к семи Света приезжать уже привыкла, а с документами понимает не всё.

– Справки готовы, счет закрыт, как они просили, срочно, перевели на другой, почему сразу не отправить?

– Потому, – говорю, – что надо дать понять, что ради них мы в выходные поставили на уши весь отдел, что тут много человек сутки работали в поте лица. Отправишь им письмо в понедельник, где-то в четыре.

Отличное чувство, когда выхожу с работы рано, а там – пустой центр, малолюдные улицы, открывающиеся кафе.

Что-то метут. Солнце блеснуло в окне Coffee Bean. Туда и пойду.

Щурюсь на кофе и омлет.

Звонит мама:

– Я приехала на дачу.

Звонит Лёля:

– Ты где вообще?

– В «Кофебине» на Страстном.

– Подождешь пятнадцать минут?

Что ж: сию же жду. Типичная Лёля.

Заходит, осматривается, улыбается, подходит, целует, садится.

– Я тебя не видел лет пять?

Лёля начинает быстро говорить:

– Смотри. Ты нам очень нужен. Мы стараемся не отставать от рынка (она картавит – «гын-ка»), но абсолютно не поддерживаем раздувание («газдувание») мыльного пузыря. Сейчас конкуренты откровенно перекупают кандидатов. Дельты по зарплате очень серьезные... – она водит пальцем по столу. – Я думаю о будущем. Через 5–10 лет компаниям будут нужны IT-специалисты, но с их запросами никто не будет иметь возможности их нанять. И мы придем к глубокому кадровому кризису при физическом наличии людей. Абсурд, да? Поэтому я за коалицию работодателей. Нужна договоренность о непереманивании людей. Надо определить максимальный уровень окладов, единый для всех. Под каждую категорию айтишников.

«Договоренность о непегеманивании».

– Ну а я во всем этом кто?

– Вы же тоже состоите в ассоциации, поговори со своими эйч-арами. Я хочу, чтобы ты просто посчитал и дал нам разумное обоснование по зарплатам.

Лёля совсем такая же, как на первом курсе, – стремительная, говорит картаво взхлеб, та же косичка на плече, – только тётка. Интересно, она заметила переход?

- Как Олег?
- Растет.
- В сад ходите?
- Ты что. Уже в школе. Так ты считаешь?
- Посмотрим, если наши заинтересованы.
- Спасибо! Пока, – быстро встала, поцеловала, вышла, уехала.

Я вот думаю за рулем: у Юльки же родился сын в прошлом году. Я тогда попросил Свету перевести ей сто тысяч, но не заехал. Это ж мы где-то полгода не виделись – нехорошо. Сейчас можно.

Звоню – они дома.

Заспанная Юля, заспанный муж. Старший, Коля, играет с машинкой – увидел меня, радуется: «Дядя-я!»

Показали спящего младшего.

Идем в кухню, Сережа (муж) немного хромает, садимся за стойку (у них стол вроде барной стойки). Шепотом:

- Как дела?
- Нормально.
- Что с ногой?
- Нерв защемило.
- Я знаю хорошего мануальщика.

Пересылаю координаты. Сережа смотрит в телефон:

- Шесть тысяч за сеанс? Десять сеансов? – улыбается. – Нет, спасибо...

А что хотел. Людям не надо платить за работу?

Сережа – смешной и безобидный. Социалист. Вернее, так себя называет. Я его называю «философ». Сережа всегда добавляет: «философ-марксист». ...По-моему, настоящие философы – исключительно идеалисты. Ну, если понимать эту категорию не как направление философии, а как фактор подлинного, житейского отношения к жизни... Короче, Сережа в свои заблуждения верит.

Пьем кофе. Юля спрашивает:

- Как мама?
- Хорошо. На даче. Вы созвонитесь и приезжайте туда тоже. На майские, например. Или в июне.

...Мама уже двадцать лет как патриотка. Только если у Сережи «хорошие» – это ранние советки, то у мамы – все «наши». От Царя Гороха до Гаранта, и СССР даже каким-то образом. Хотя вспомнить ее году в 89-м, вспомнить очереди за курицей и что она тогда говорила... Смотрит по вечерам Соловьева, при случае мне пересказывает. Спорить? – да ради бога: в ее возрасте нужна уверенность, что есть что-то правильное, незыблемое...

Показываю Юле видео из телефона, как мы в январе катались на снегоходах.

- Тимбилдинг в Саянах.

Сережа предлагает салат, Юля шепчет:

- Он не будет. Там сельдерей.
- Люблю ее.

Нужно пройти свои десять тысяч шагов. Варианты: парк возле дома, дорожка в World Class (в моем же доме), погулять по центру, где я сейчас еду.

На дорожке в World Class в быстром темпе доаживаю норму. За окном невнятный дождь. В отражении вижу стройную женщину в бейсбольной кепке, тренирующуюся на одной из соседних дорожек. Звонит мама:

- У вас тоже дождь?
- Да, – говорю в гарнитуру, – да, пошел.
- Ты был у Юли? Молодец.

- Заезжал.
- Как у них?
- Хорошо.

Если бы в 96-м она не убедила меня поступать в тогда никому не известную «Вышку», если бы до этого не перевела из школы по месту жительства в центровую, если бы не тянула мои теннис, поло, стажировки, где бы я сейчас был.

– Это чистая комедия, – говорю. Лёля слушает. – Маркетологи наши потратили сто тысяч баксов на благотворительность, а потом еще семь миллионов на рекламу. Рекламу самой акции.

Принесли стейк, а Лёле салат.

– Гении.

– А че, задание выполнили. Так слушай, мало того, пригласили чувака, который до этого писал пресс-релизы в «Номе.Забота», он им это сочинил: «Когда у банка есть сердце». Так он знаешь кто? Поэт. Причем какой-то премированный. Ты знала, что существуют поэты? Нет, серьезно. В смысле, печатаются в каких-то журналах, у них там своя кухня, грызня, возня...

Улыбаюсь: сегодня я пью водку – делаю это примерно раз в месяц. Полезно для кровообращения.

- Мир поразителен.
- Точно. У него там стихи, значит... «Енотик, енотик»...
- Детские?
- Называют преемником Бродского.

Она в темпе съела салат.

– Мне надо забрать сына после тренировки. Ты же посчитал?

– Да, – даю ей распечатки. – Наши эйч-ары в курсе. Они там собрались эту коалицию регистрировать. Так что мы с тобой еще пересечемся.

– Супер, – берет сумочку. – Ты супер.

Целует, уходит.

Полчаса читаю РБК, листаю мусор в инстаграме (у меня пустая страница), незаметно прошло время. Приехали пацаны.

– Здорово.

Смотрю на них, как они усаживаются, прикалываются, заказывают. Учились вместе – на два года младше. Я их называю свободные художники. Сто мест работы, все не по специальности. Интересно, как выглядят их трудовые книжки. Знаю, в этом плане я, наверно, немного идеалист. Вначале 12 лет отпахал в банке N, потом перешел в банк В. ...Топ-менеджером вообще нельзя стать сразу после выпуска. Топ можно вырастить, – это дело небыстрое. Так что в известной степени я за себя не волнуюсь. Петя и Дима помоложе, им лавирование по душе, – так почему нет.

Сейчас Петя раскручивает онлайн-курсы по тому да по сему. Находит спецов, которым есть что предложить, – область знаний любая, – делает им сайты, ютьюб-каналы, рекламу... Пятьдесят на пятьдесят.

А Дима – Дима поруководил департаментом в правительстве Москвы (было смешно, – я ему об этом говорил, – когда увидел фотку в кабинете, где он за массивным столом на фоне флага, гербов и портрета Собянина), а сейчас вдруг резко – проректор университета. Да, о «Содружестве» говорят – шарашкина контора, – но, раз Дима там, сколько же там бабла...

– Сколько же там бабла, – говорю.

– Понимаешь, после мэрии я мог пойти куда угодно. Десять вариантов. Но выбрал туда – там реально интересные проекты. Мне нужна новизна. Это – ну, как наркотик мой. Я потому и без командировок не могу, чтоб не реже раза в месяц. Иначе я на одном месте с ума с хожу, ей-богу...

У него белоснежная рубашка Ральф Лорен. Как они делают такой цвет? Он кажется белее белого. А самое главное, Дима не врет. Взять хотя бы его жен. Сколько их было? Десять? Пятнадцать? Смотря как считать. Официальных или неофициальных... Была шведская татарка. Вторая – русская киргизка. Потом австралийка, тунисская немка, это я помню, даже колумбийка... Остановился (если остановился) на горской еврейке.

Мир, как выразилась Лёля, поразителен.

Я вдруг понял, что Петя похож лицом на императора Траяна. Говорит ли это о высокородности первого? Или – об обычности второго?

Петя с брюшком такой округлый и уютный, Дима – подтянутый, остроугольный и энергичный. Завтра пойду в спортзал.

Расплачиваюсь наличкой. Света вызывает такси.

Подкачивать мышцы в сорок четыре – совсем не то же самое, что в тридцать четыре... Энрике мне помогает держать ровно спину. Звонит Наташа. Слезая с тренажера.

Наташа – самое близкое, что у меня было к жене.

Нам было по тридцать. Познакомились случайно. Вместе провели примерно полгода. Никогда не ссорились. В какой-то момент спокойно отдрейфовали. Потом, знаю, она была замужем, родила дочку.

У меня на нее – единственную – как ни на кого, всегда была бешеная реакция. Какая-то магическая – стоило ей подойти на полметра... Потом один раз виделись – восемь лет назад. Был такой взрыв на сутки, а потом опять – тишина.

У нее спокойный, мягкий голос. Хочешь – приезжай, свободная неделя.

Я соображаю: время в принципе есть. Иногда нужна спонтанность. А может, мы еще не дозрели?..

А дочка, – ну что: дочка...

Сегодня пятнадцатое: удачно. Света заказывает билет в Симферополь. Повод – встреча с Ибрагимовым.

Перед отлетом стригусь. Барбершоп, как и многое другое, в моем доме. Здесь как бы свой мини-город: на территории всё есть. На крыше вертолетная площадка, если что, – правда, ей вроде бы никогда не пользовались. Но пафос у многих местных зашкаливает: дорого-богато.

Смотрю в зеркало, как меня стрижет Игорь. Стрижет как бог. Слушаю его – это особое удовольствие:

– Осенью пошли за грибами. С кумом и тестем. А там лес вот так идет, идет-идет, а потом ЛЭП, а потом дальше идет и вот так чуть-чуть. Ну я думаю, надо прямо держаться, чтобы потом ровно развернуться и назад. Кум с тестем петляют, туда-сюда, по кустам шарят. А потом такие, а где мы. А я так аккуратно развернулся и говорю: туда. А они такие: да ты ж ни разу тут не был. А я говорю: да точно туда. Короче, пошел, пошел и вывел. Грибов, правда, не было. Но то в прошлом году. А в этом тесть кума топором ударил.

И т.д.

Глубоко вдыхаю крымский воздух, пока мы идем от аэропорта к парковке. Наташа выглядит невероятно. Никакого перехода в тетки. На вид ей не больше тридцати пяти (в тридцать пять она выглядела на двадцать). Буду присматриваться.

У нее красный джип Wrangler 2010 года с кастомизированной крышей. Сумку кладу на заднее сиденье.

– Эта машина тебе идет.

– Да?

– Не жалеешь, что уехала из Москвы?

– Я привыкла жить у моря.

– Да, здесь хорошо.

Наташа в сером спортивном костюме, на голове зеленая кепка, блондинистый хвост на затылке пропущен сквозь отверстие над ремешком.

Наташа ведет уверенно и быстро. Трасса петляет в сторону Ялты. Я смотрю на ее руки на руле. Понятно, ухоженные, каждый день кремы. Но – ни намека на увядание! А тыльные стороны ладоней – это главный признак, его обычно не скроешь. Я смотрю на ее маленькие ручки на руле.

За поворотом из-за горы бьет солнце, она надевает темные очки, ловит мой взгляд и улыбается.

В лифте я бросаю сумку на пол и сжимаю Наташину грудь.

...У нее круто отделанная двушка. «Прокачанная». В узкой высотке из новых, – до моря неблизко, но из окон его видно.

Темнеет.

Предлагаю пойти ужинать. Наташа говорит «пойдем» и начинает собираться.

Она ведет меня переулками старого центра, прежде чем вырुливаем на набережную. (Ощущение, что я снова среди старых декораций каких-то отыгранных спектаклей.)

– Устрицы?

– Вон там должен быть ресторан. Между домами. Там хорошее каре барашка.

– Согласна.

– С чем или на что?

– Почти на всё, ты же знаешь.

Там далеко не Мишлен, да и санкции, но я вообще люблю простую еду.

– Иногда сажусь в машину, еду за город, на какую-нибудь полянку, развожу костер.

Она улыбается.

– Какая у тебя сейчас машина?

– Лэндровер. Дефендер. Девятнадцатого года.

Одобрительно кивает.

– Так вот. Развожу костер, ставлю котелок. И делаю тушенку с макаронами.

Пахнет морем.

– Ты проголодался?

– Да. А ты?

Вообще, можно есть всё, нужны только баланс и умеренность. И нужно слушать профессионалов. Во всем важен профессионализм. Творог, например, любят добавлять в диету при физических нагрузках из-за белка, но забывают или не знают, что в нем 500 мг натрия на порцию, а натрий задерживает жидкость, поэтому для контроля веса творог не подходит. (В моем возрасте главное контролировать вес и холестерин.) Поэтому, когда передо мной разрекламированный диетолог несет ненаучную чушь, хотя о натрии в твороге знает даже мой тренер-пуэрториканец (а он просто занимался самообразованием), ну извините... В сорок два я резко почувствовал, как изменился метаболизм, стал больше за собой следить. Важно поймать баланс – между спортом, диетой и возможностью побаловать себя, чтобы не допускать лишних стрессов. И cheat meals должны быть – они вполне законны, – только надо знать, что и когда есть.

Конечно, и секс стал другим. В том числе в плане темпа и выносливости. Сильно потеешь, очень повышается пульс. Но бывают моменты (сегодня был), когда всё идет в прежнем режиме: только глаза застелило каким-то туманом. Но это потому, что первый раз. Ночью, думаю, будет по-другому.

Мы сидим в ресторане. За окнами совсем темно. Поблескивают стекла в антикварных шкафах. (Вокруг, по-моему, одни москвичи.) Порция оказалась двойной. Ребрышки на большом блюде вложены друг в друга. Внутри мясо нежное и розовое. Рядом картофель с розмарином.

Наташа ест с аппетитом.

Пьем вино.

– Закажи еще вина.

– Какое ты хочешь?

– Любое красное.

Она выбирает.

– Зинфандель?

Смеюсь:

– Зинфандель в Крыму? Может, что-то из ваших? «Золотую балку», там. Или вот: «Alma Valley».

Тут я спохватываюсь:

– А дочка твоя где?

– У родителей.

А, да. Я забыл: ее родители из Крыма. В итоге заказали «Бельбек».

В первый раз глаза мне застелило туманом. Почти ее не видел. Сейчас не тороплюсь и смотрю. Сколько же она пашет, чтобы иметь такие мышцы, такой живот... Кроме того, у нее от рождения всё не только очень красиво, но и *на месте*. С ней удобно *в любом положении*. Она получает удовольствие *от всего*. Талант, как ни крути.

В ванной небольшое джакузи на двоих. Включает, пошли пузырьки, ложусь рядом, толкаю ее ногами, хихикает. Уже два часа. Кладу левую руку ей между ног, а правой беру бокал. Она включает подсветку, бурлящая вода играет зеленым и синим, как в советских киносказках, по бортам поднимается пена. Мне хорошо. Не то чтобы я пьян – такого давно не было, – но есть чувство, что остановиться надо было на полбутылки раньше.

Поворачивается ко мне, смотрит с улыбкой.

– Мальцев, – говорит, – я рада, что ты приехал.

Полпятаго уже рассветает, а у меня тахикардия. Всё-таки перестарался. Иду в кухню, пью таблетку и много воды. Иду в туалет, сижу, избавляюсь от излишков. Руки слегка дрожат. Смотрю на них – суставы пальцев припухшие, кожа на тыльной стороне какая-то синюшная, как у курицы.

Доспали до девяти – чувствую себя гораздо лучше. Такая расслабленность отпуска. (Пока Наташа готовит завтрак – варит яйца и делает тосты, – я работаю за ноутбуком.)

После завтрака созваниваюсь с Ибрагимовым. Потом говорю:

– Ты не против, если пару дней мы проведем в «Мрии»?

– В «Мрии»? Шутишь? Конечно, не против.

Думаю: с одной стороны джип, «упакованная» двушка, с другой – ура, два дня в «Мрии». (Оказалось, двушка и машина – от бывшего мужа.)

Едем по трассе. Слева из моря поднимаются лесистые скалы, разделяющие поселки, – все эти «Кошки», «Драконы» и что там еще, что придумали местные, – а справа – горы посерьезнее, типа Ай-Петри, за которыми начинается плато.

Территория отеля огромная. Нас ведут в номер в маленьком корпусе, одном из не знаю скольких (Света забронировала). Цены выше, чем в Ницце. Хотя, с другой стороны, в Ницце не самые высокие цены.

Персонал вышколен. Видно, что их сильно дрючат. В принципе, это единственный способ добиться от наших уровня Европы. Отсюда и цена. За особые усилия, так сказать.

Номер двухкомнатный, со своей террасой и видом на море. Между корпусами передвигаются электромобили.

Наташа довольна. Улыбаюсь, видя, как у нее загораются глаза. Повалилась на кровать. Изучает программу спа, планирует массажи, бассейн и что-то еще.

– Я работать.

– Мне здесь за неделю всего не обойти.

Шлет воздушный поцелуй.

У Ибрагимова снята вилла. С подогреваемым бассейном, садом, пляжем и прочим.

– Это единственный способ нормально разместить своих, – говорит. – Чтобы всем было место – и маме, и жене. Племянники, вот, с нами.

Предугадывая мой вопрос:

– У меня мама больна. Ей запретили далеко летать. Поэтому мы здесь.

Спрашиваю, что с мамой.

– Представляешь, агрессивный рак. Всё было так быстро, думал, ее потеряю. Две операции в Германии, переводили из клиники в клинику, а потом выяснили, что, чтобы остановить метастазы, нужен особый препарат. Препарат передовой, он только вот несколько лет как появился. И теперь, слава богу, всё хорошо. Уже два года они не растут.

– Слава богу, – говорю.

– Этот препарат их сдерживает. Не дает развиваться. ...Ну, пойдем за стол.

В принципе, не было никакой нужды прилетать и все вопросы можно было решить по телефону, а документы – чтоб не светить по имейлу – передать мне на дом. Но так ты работаешь с человеком бок о бок и рождается большая доверительность. Ты пожимаешь руку, видишь его глаза. Нужна человечинка, я это понимаю. В том числе по поведению самого Ибрагимова. По тому, как он держит себя даже с теми людьми, которые не стоят его мизинца.

И потом Ибрагимов – особый случай. У нас своего рода дружба.

Когда мы почти закончили, появляется его мама. Мама мне, если честно, не понравилась. Такая рыхлая, большая старуха. Но не в этом дело. Она как-то недобро шпыняет службу, двух молодых парней, которые что-то не так сделали в саду. Они выглядят испуганными. Не так поставили лежаки, что ли.

– Вас вообще гнать отсюда нужно, – и всё такое прочее.

Глядя на это, Ибрагимов чуть-чуть качает головой:

– Мама-мама, она в себе это так и не преодолела, – и потом добавляет странно: – Я за нее повешу.

Потом мы еще говорим за вином о наследии совка, о том, что он оставил в людях – во многих навсегда – ошетиенность загнанных зверьков, боязнь что-то недополучить, упустить, там, место в очереди... Запасы туалетной бумаги вспомнили, дефицитные джинсы...

– Помню, как она таскала меня по поликлиникам. Выбивала путевки в санатории. Я был очень болезненный, она меня одна тянула...

В этом мы с ним похожи.

Звоню Нате – она еще на обертывании. Сажусь на террасе и смотрю на фиолетовое море с барашками.

Она возвращается, и вчерашнее повторяется, только без такого количества вина.

После идем гулять. Ходим, дышим, спуски, подъемы, японский сад, винный парк, развлекательный центр, парк аттракционов, чайный дом, амфитеатр, пляж... Всё это искусственно и скучно. Море и горы красивые.

Вечер. Почему бы не посмотреть кино?

Листаю фильмы в «Окко». О, Вуди Аллен.

– Ты смотрела «Иррационального человека»?

– Нет.

Включаю. Кайфую. Спустя час говорю:

– Понимаешь, что это Достоевский в стебном варианте?

– Нет.

– «Преступление и наказание».

– В школе не смогла дочитать.

– Я, наоборот, проглотил.

Многие говорят: «Матч-пойнт» лучше, чем «Иррациональный человек». Один из аргументов – в «Иррациональном человеке» всё слишком схематично. А я думаю, Вуди просто лучше других понял, что люди более схематичны, чем кажется, а их сложность – преувеличение писателей и режиссеров.

Я не заметил, как заснул.

Утром говорю:

– Поехали куда-нибудь.

– Давай подумаем, где ты не был.

Думаю. Да я, в общем-то, везде был. Она перебирает:

– В Никитском зацвели тюльпаны... Севастополь, Балаклава, Форос... Дворцы... На квадроциклах можно. Еще – Бахчисарай...

– Был.

– А в монастыре?

Смеюсь:

– В монастыре не был.

– Ты оценишь. Там реально красиво.

Поехали. В принципе, мне всё равно, куда. Лучшее в этом – сама поездка. Скалы, сосны, всякие деревушки и кафе...

От побережья поднимаемся на плато. На поворотах с высоты мелькает море. Наташа опустила крышу, купаемся в воздухе. (Вспомнил, как когда-то гонял в четыре утра на квадроцикле по пустой трассе от Линдоса дальше на юг. Прикольно было.)

Поселок. Притормаживаем перед гусями. Дальше опять лесная горная дикость.

Бахчисарай, как и раньше, – пыльный. Минуем его, паркуемся у кафе, от которого тропа ведет к монастырю и дальше в горы – к заброшенным древним поселкам – не то татарским, не то караимским.

Проходим монастырь – он в длинной низине между горами. Часть построек на дне, часть – вырублены в скалах или прилеплены к ним. Яблони цветут.

Наташа крестится.

– Пойдем внутрь?

– Ок.

По тропинке к Чуфут-Кале монах гонит коров. Мы отошли, чтобы пропустить, но он согнал их в сторону. Мужик моих лет, высокий и худой. Я ловлю его взгляд, хочу получить какую-то реакцию. Интерес, там, насмешку или раздражение. Там нет ничего. Будто нас нет.

Сам Чуфут-Кале малопримечательный. Несколько пустых домиков, ниши, вырубленные в скале. Но отличная природа и виды. Мы бы пошли выше, но надо было надевать другую обувь и брать больше воды.

Спускаемся. Вверх по параллельной тропе какой-то мужик катит мопед. Может быть, к торговым палаткам. Там торгуют сувенирами.

Издали улыбается Нате, начинает что-то говорить.

Мне показалось, я расслышал «опять выгуливаешь».

– Что? – говорю. Останавливаюсь, оборачиваюсь.

Тут Ната схватила меня за рукав так крепко и потянула так сильно, – я понял, она скорее его оторвет, чем отпустит. Женщины иногда так делают. Продолжаем спускаться.

В монастыре неожиданно встречаем мою одноклассницу Полину. Вот так встреча. Я не видел ее очень давно. Несколько секунд соображаю, кто это вообще. Она высокая, ненакрашенная, морщинистая. Седые волосы под черным платком, платье в пол.

Ната и Полина стоят рядом, пока мы разговариваем: сверстницы.

Полина в паломничестве. Здесь святая земля, говорит, ороплена кровью предков, русских воинов. Сначала в Крымскую, потом в Великую отечественную. (Еще штук десять не назвала, думаю.) Сколько головешек сложили наши защитники, говорит. Я вспоминаю: у Полины был муж, друг ее брата, – кажется, немного старше. Поженились молодыми. У нее в семье военная династия. И тот тоже был офицером. Погиб во Вторую чеченскую, и уже больше двадцати лет Полина такая. Паломничества, крестные ходы. Я рада, говорит, что и вы пришли сюда помолиться. Сюда всех тянет, чтобы попросить Господа очистить грехи. Я так рада вас встретить. Обращается к Нате как к моей жене. Ната в темных очках. Я коротко рассказываю о встрече одноклассников в конце марта. Полина слушает невнимательно, вежливо кивает. А сама будто параллельно слушает радио «Радонеж», которое, похоже, звучит где-то у нее в голове.

Мир поразителен.

На прощание трижды целует меня и Нату в щеки.

В кафе внизу я не могу не пошутить – умеренно. (О муже Полины не рассказываю, такое горе может кого угодно подкосить, так что ее вариант еще далеко не худший.)

Ната говорит:

– Я и сама верю.

– О, – говорю. – В храм ходишь?

Нам принесли суп.

– Конечно. На Пасху.

Ната ходит в бейсбольной кепке, пропустив хвостик в отверстие над ремешком. Носит темные очки. Футболки оверсайз и джинсы. Или свободные спортивные костюмы. Худи и кофты оверсайз. Будто маскирует свою красоту. И только когда она снимает кепку и очки или потягивается, сидя за столом, как сейчас, когда одежда выдает контуры ее тела, понимаешь, как она невероятно красива.

Поздно вечером, вернувшись на ЮБК, сворачиваем с трассы в Алупке. Паркуемся у кафешки, о которой я вспомнил. В ней интерьер в морской тематике. Официанты в тельняшках.

Ната смотрит в меню:

– Как же я хочу пива и бургер. Но мы так не доедем до Ялты.

– А давай, – говорю, – здесь переночуем.

– Где?

– Да легко, сейчас найду гостиницу.

Беру телефон. Нам приносят огромные бургеры, блюдо раков и литровые кружки пива. Надеваем перчатки. У Наты сияют ее серые глаза. Играть музыка, довольнолюдно, в основном молодежь. В полночь танцуем, она дает фору любым тинейджеркам.

Веду ее по покатым переулкам. Включил фонарик. Высвечиваются старинные виллы и кипарисы. Пахнет котами. Веду за руку, в другой держу бутылку вина.

Какая-то компашка от нас шарахается. Это смешно.

По прилету на весах ожидаемый результат: плюс 3,4 кг. Половина – понятно – просто лишняя вода, выйдет за сутки. Остальное еще за неделю спортзала.

Ладно, стоило того.

Каждое утро по пути на работу за рулем краем глаза финансовые новости и соцсети.

Реклама Петиного (с лицом Траяна) платного семинара «Ситуационный маркетинг во время ковида». О, любопытно. Был период, говорит Петя в своем видео, когда на волне паники все охотились за масками, а в аптеках висели таблички: «Масок нет». Он и раньше был связан с пищевым производством, где маски всегда использовались в чистых зонах. И стоили еще в 2019 году примерно рубль за штуку. То есть имел выход на производителей. Рассказывает, что в марте двадцатого сбывал маски в промзонах за кэш – 3200% прибыли. Покупали, потому что деваться было некуда. Теперь делится бизнес-смекалкой. Вот же химик.

Попалась в ВК Полина (в Крыму мы обменялись телефонами). У нее там церковные купола, белые голуби, куличи, георгиевские ленточки и – стихи:

Молись Святая Матерь
За Русь свою молись,
Ты знаешь что солдаты
Отдали свою жизнь.
Молись Святая Дева
Покрой и сохрани, –

и так далее.

Иногда всё это вызывает во мне ступор. Не смех, не несогласие, а ступор.

Когда в очередной фигуре ежедневного калейдоскопа сходятся, например, Петя, Полина. Наташа, которая, оказалось, тоже верит. Перед отъездом она попросила помочь: летом ей надо отправить дочку в лагерь. Я оставил 70 тысяч. Ее смешило, что я везде таскаю с собой наличку и не пользуюсь картами. Сидя в татарском кафе у выхода из монастыря, я спросил ее, как она представляет себе Бога. Она сказала, что Бог – это Христос, и надела темные очки. А кто же еще. Я тогда сказал, что Бог – это то, что в человеке не хочет умирать.

Много работы.

Из офиса не выезжаю две недели – если не считать спортзал. Звонит мама. Освободил воскресенье.

У мамы на холодильнике магниты из всех мест, где мы были.

В форме чешской пивной кружки, португальской Синтры, марокканского тажина, итальянского граната, тайландского дуриана, греческой яхты... Штук сто.

Перед глазами вдруг отчетливо Санторини. Крутая ступенчатая улочка к морю, солнце высоко и чуть правее. Яхты как комары в бело-голубом море у соседнего темно-голубого острова, короткие тени от белых стен на ступенях.

Осыпаются красные олеандры.

Ради чего-то такого мы и живем.

Мама рассказывает, как навела порядок на даче, как кормит там белок, как ходила в Москве на выставку Кандинского.

Смотрю на нее: всё такая же.

По поводу мамы и всяческих ступеней – отдельно. Этим она не раз удивляла незнакомых. На том же Санторини – когда преодолела трехкилометровый подъем за пятнадцать минут. Я видел, как вспотевшие молодые атлеты, отдохавшие на полпути, с удивлением пропускали худенькую старушку, с улыбкой бегущую вверх и на ходу что-то фотографирующую.

Мама по именам называет соседей по даче и их родственников, по именам белок, подробно пересказывает биографию Кандинского, включая факты, о которых не знала экскурсовод.

Однажды она приехала ко мне, а в доме заблокировались лифты – сработала пожарная сигнализация, – так она не стала ждать, пока их запустят, поднялась на семнадцатый этаж, взяла какие-то документы и ушла по своим делам. А я еще долго сидел в холле и злился.

– Мам, полетели в августе в Испанию?

Ее васильковые глаза загораются, она кокетливо говорит:

– Я не против. А может, лучше на Крит?

Я не могу не улыбаться. Я знал, что она опять выберет Грецию. В последнее время это ее главная любовь.

– Что ж ты там не видела? – выискиваю магниты – гипсовый дельфин, развалины Кносса, розовый песок Элафониси... Она говорит:

– Помнишь, не доезжая Лассити монастырь?

Помню.

– Я очень хочу еще раз там побывать.

Прошу Свету подыскать варианты.

Стараюсь делать всё, чтобы мама ни в чем не нуждалась. Чтобы ей не было одиноко. Многие с возрастом меняются, и еще как. Но она, тьфу-тьфу, не такая. Не раскисает и не жалуется, у нее подружки, делишки, она всегда в движении. Съездить на дачу своим ходом с двумя пересадками, чтобы полить цветы, а потом сразу отправиться обратно, чтобы вечером успеть на концерт, для нее не проблема. Она часто навещает Юлю и сидит с племянниками.

В девяносто втором мы ели гуманитарку. Отвратительные растворимые каши. И даже – я хорошо это помню – сухую детскую молочную смесь. Это было *унизительно*. Но она быстро сориентировалась и устроилась менеджером в Craft Foods – они тогда только зашли в РФ, им нужны были профессионалы, знавшие местную специфику, – а мать до этого пятнадцать лет проработала биотехнологом на пищевом производстве. Сумела своими силами подтянуть английский (ей тогда было за сорок, – а когда тебе за сорок, это сложно). В девяносто четвертом, после периода нищеты, ей положили зарплату около 3000 долларов – по тем временам неслыханно.

А сейчас копейная пенсия – у нас же «социальное» государство.

Я помню, что такое очки. Все помнят, если им не меньше лет, чем мне. И что такое очки, не отделенные друг от друга ничем, никакими простенками и дверьми. Я помню, как в младших классах до последнего терплю, но к третьей перемене уже немоготу, и я с ужасом иду в конец коридора по этому натертому тошнотворной мастикой паркету, открываю дверь, а там – кто-то художественно обыскает стены, кто-то курит, кто-то, матерясь и гогоча, бьет кого-то по голове, вонь, духота, мокрый пол, наляпанное мимо дырок говно, рисунки и надписи на стенах, где «хуй» – самая приличная. Я стараюсь стать как можно аккуратнее, в стороне от всех и ссу максимально быстро, чтобы быстрее оттуда выбежать, и при этом молюсь, чтобы меня никто не толкнул. (Это была школа по месту жительства. В седьмом классе мама перевела меня в престижную на Красной Пресне.) Я помню туалеты восьмидесятых и девяностых – в школах, больницах, на автовокзалах, в вузах, – где грязь и смрад, неработающие бачки, расколотые унитазы, окурки, тараканы, отсутствующие щеколды. (Музеи и театры были исключением не всегда.) Помню освещенный лампочкой деревянный сортир возле кафе под Воронежем – с замерзшими дерьмом и мочой, изваянием поднимающимися над тем, что летом было очком, с воткнутым в стену возле выключателя шприцом, иглой вперед, на кончике которой замерзла капля крови.

И, разумеется, полное отсутствие туалетной бумаги. Годами в туалетах России не было туалетной бумаги. В лучшем случае порванные или нарезанные газеты. Ну или какая-нибудь тетка в платном выдавала моток дешевейшей, грозившей прорваться у тебя в руке при попытке использования.

Шло время. Это были те же самые люди. Только они научились не ссать мимо. Те же технички и уборщицы так же мыли полы. Только стало чище. Очки стали пропадать. Унитазы стояли всё больше целыми. На них появились ободки. Появились ершики и замки на дверцах. Бумага робко появилась – сначала в виде одного общего рулона, лежавшего где-нибудь на подоконнике перед кабинками (его никто не тырил!). Потом – в каждой кабинке, да еще и в затейливых металлических держателях. К этому добавились ароматные моющие средства вместо хлорки, автоматические освежители воздуха. Кое-где – сенсоры (автоматическое смывание), автоматически наде-

вающиеся сменные чехлы на ободках... В иных туалетах сделалось так хорошо, что туда начали водить на свидания.

Бумага улучшилась. Она становилась двухслойной, трехслойной, на ней появились узоры, изображения зайчиков и цветочков.

Когда я слышу, как говорят о великой культуре России, ее взлетах и падениях, – Достоевском, там, или том же Достоевском, но в Баден-Бадене, – я думаю только об одном: только бы сортиры не утратить. Только бы опять всё не засрало.

В июне на даче дождливо. Сережа (муж Юли) много лет назад взял одну ноту и держит ее: в его мире есть класс капиталистов и пролетарии. А еще (как бы параллельная метафизика) есть созидатели, а есть паразиты. Зачем ему это?

Он, конечно, созидатель: историк в вузе. (Как же он, представляю, пудрит молодежи мозги.) Но разве это не случайность?

Юля в его типологии тоже созидатель – инженер-строитель: тут я согласен больше. Закончила МГСУ. Хроническая отличница. Несколько раз бывал на ее стройках. Забавно видеть, как она, высокая и худенькая, в касочке деловито ходит туда-сюда среди каркасов строящихся зданий и здоровенных мужиков и распоряжается ими. Они при ней не матерятся.

Мы хотели погулять, но с утра зарядил дождь. Он сильный, мы смотрим на капли на крыльце и на газоне во дворе и открываем вино. Мама говорит, что дождь побьет маки. А может, и не побьет. Я не очень люблю цветы. Я не хочу, чтобы побило маки. Но больше люблю деревья. На участке много молодых деревьев. А за заборчиком – сразу лес. Натуральный лес с лосями, кабанами и прочим. Я думал, здесь всем будет хорошо. В смысле, для этого покупал этот дом. Маме в первую очередь. Ну и всем близким и друзьям – чтобы могли собираться. Юльке и ее детям. Жаль, что тетя Лера не дожила.

Я думаю, не растопить ли баню.

Десятилетний Коля играет с машинками, а маленький Ваня лежит в качалке.

Я люблю их всех. И Юльку, и ее детей, и Серегу с его бутафорским марксизмом, и Юлину маму тетю Леру, незримо присутствующую. Вернее как – незримо: у меня часто случается в голове это наложение времен, когда я смотрю на реальность, а на нее, как в старых фильмах, накладывается другая картинка из прошлого: и умерший или просто исчезнувший из моей жизни человек, таким, каким я его видел прежде, ходит среди плотских и живых, он как бы тоже здесь.

Мама так рано не пьет. Может вечером бокальчик.

А мы умеренно потягиваем, – что делать в такую погоду, – тихо работает телевизор, иногда перекрываемый возгласами Коли, я думаю, когда провести санацию дома, а между тем тоненько тянется разговор ни о чем.

Дом в средиземноморском стиле – чтобы круглый год напоминать о наших поездках. Кухня à la Provence.

Я тут бываю раза три в год, заезжаю максимум на два дня.

Вспомнил Marathon du Beaujolais. Это был... ноябрь. Ну правильно, он же, собственно, и проводится в ноябре. Смешно: там были эти точки на пути марафона, где участникам предлагали отдохнуть и подкрепиться жареным мясом и вином.

– Помнишь, – говорю, – Вильфранш... как его там?

– Вильфранш-сюр-Сон.

Мама помнит. Там же марафон и собор Notre-Dame-des-Marais. Она рассказывает историю и что внутри, и как мы ходили пешком до Уана.

Идя из гостиной в кухню за холодной бутылкой, главное не долбануться на какой-нибудь детской машинке.

– Что?

– Милостыня и благотворительность – это не помощь. В лучшем случае самоутешение.

(По телевизору реклама приюта.)

– Почему?

– Благотворительность иерархична. Вертикальна. А нужно, чтобы была горизонталь. Равный доступ, а не подачки.

Это меня смешит. Один фонд Ибрагимов за неделю делает больше, чем Сережа сделал пиздежом про социализм за всю жизнь.

– Серега, – говорю, – зачем тебе это всё?

– Знаю, – улыбается, – я, наверно, всех задолбал...

Юля, варящая у плиты кофе, шутливо вздыхает, – мол, что уж, мы привыкли. Сережа хихикает и говорит:

– Мне, видишь, в середине жизни важно удостовериться, что я не говно. Ни для кого – чисто для себя, – он двигает бокал. – Просто нужно себе проговаривать базовые координаты. Но получается, иногда проговариваю и другим. Ну, там, типа, я четко могу сказать: я не поддерживаю убийства людей...

– Так и я не поддерживаю, – улыбаюсь.

Лена-медвежонок мелькает в рекламе детской косметики.

Бывает, выбирают свою нишу: например, «я еврей и главное для меня всё еврейское, сионизм вне критики, а кто против, тот антисемит, даже если сам еврей», и т.д. Или, там: «я социалист», и всё об этом. Или Полина со своими кексами и алтарями. То есть куличами.

Я явно пью чаще раза в месяц.

За кофе Сережа советуется с женой, надо ли ему сообщить что-то декану так-то или так-то. Я бы не рекомендовал пить кофе сразу после вина. Юлька ему говорит, как лучше. Он внимательно слушает, послушно кивает.

Юлька очень умная.

После полудня ложусь спать, а когда просыпаюсь, дождя уже нет. Мы идем гулять. Ребята подстраиваются под детей, а мне надо прошагать свои десять тысяч шагов. Что касается мамы, она убежала с подружкой по грибы.

Бродим среди дач.

– Смотри, – говорит Сережа Коле, – что это?

– Это дом, – отвечает Коля.

– Нет, сынок, – Сережа хихикает и смотрит на нас. – Это товар!

Я вяло улыбаюсь.

Позже Юля с Сережей деликатно объясняют, что у Юли гинекологическая проблема, нужен хороший специалист. Видимо, следствие родов. Не вникая, советую Джаника. Там, наверное, дорого, говорит Сережа, узнав, что за клиника. Поверь, говорю, вам будет бесплатно. Ты не знаешь Джаника.

У Сережи мало друзей. Он часто говорит: «Важно не количество, а глубина контактов». Типичный шизоид.

Мама возвращается вечером: в ее корзине белые, подосиновики, подберезовики.

Как я провел лето. Закрыв несколько сделок. На совете директоров попросили подготовить план экспансии в Юго-Восточную Азию, поставили сжатый срок. А я его *уже подготовил*. Я знал, что они это предложат. Кто молодец? Суть: не приобретение новых бизнесов, а приобретение лицензий и строительство новых бизнесов. Для этих целей формируем подразделение: оно будет взаимодействовать с регуляторами соответствующих стран. Юридически оформим как холдинг. Филиппины, еще две-три страны. Плюс Индия, хотя она в стороне. Только это многолетний проект, ничего быстро не появится. Они это понимают. Предстоит изучение рынков в моем списке, тестирование гипотез, первое общение с регуляторами. Не говоря вообще об M&A.

С Ибрагимовским проектом в Казахстане тоже получилось. Сначала только была неувязка с землей под склады: там оказалось какое-то старое мусульманское кладбище, местные возмутились, но вопрос быстро уладили при участии самого Ибрагимова.

Тренировался больше обычного – а всё равно наметился живот. Потому что нарушаю диету. Чего еще особенного? – Да ничего особенного. Работа. Юлю, вот, свозил к Джанику. Вернее, добирались мы каждый своим ходом. Клиника на Сретенке – место обалденное. Москва вообще, как по мне, – это не Кремль, высотки или проспекты. Я здесь вырос, я знаю, что говорю. Москва – это город переулков. А сейчас еще середина июля – она полупустая...

В клинике Джаник встретил Юльку как родную. Он такой мягкий, интеллигентный. Выглядит как добрый гном – невысокий, круглый, – только в белом халате. Осмотрел-опросил, везде водил без очереди. Я ждал в коридорах. Куча обследований, всё объяснил, назначил лечение и, разумеется, не взял ни копейки.

Когда я предложил, он взглянул на меня так, что я засмеялся и обнял его.

На каждом этаже возле лифта журчат фонтанчики.

Вот тоже интересная история: у него есть старший брат. Оба из Туркменистана. Но: тот дикий. Ну то есть натурально дикий. Неадаптированный, жену бьет. Средневековый такой чувак, как, увы, многие. А Джаник – ну, достаточно сказать, что у Джаника абонемент в Большой театр. Он по-русски говорит как диктор советского телевидения. В нашу школу, кстати, его тоже перевели в седьмом классе, как и меня (его после развода воспитывала мать, а брата – отец). Это нас, наверное, особо сблизило. Хотя, думаю, обратиться к нему любой из наших – его реакция была бы точно такой же.

В клинике картины, фонтаны и мрамор. Всё сверкает.

– Джаник, – говорю. – В чем тут секрет?

Мы стояли во дворе под каштаном – он вышел покурить. Двор ограничен изнанками старых особняков. Юлька уже села за руль своей мазды и укатила.

– Я тебе так скажу... Знаешь, зачем приходят 80 процентов? – он понизил голос. – Зашиваться.

– В смысле?

– Строгие восточные правила, старик. Невеста должна быть невинна до брака. За это готовы выложить сколько угодно.

Я посмотрел вверх на раскидистый каштан. Как там Лёлька говорит: мир поразителен.

Летим из «Шарика». Томное чувство утра и скорой перемены места. Немного облачно. «Дью-ти-хуюти». В «Шарике» сейчас не много людей.

У нас с мамой традиция: когда все досмотры пройдены и багаж сдан, едим суп в «Иль Патио», в меню обозначенный как «Домашний очаг». Ресторанчик не бог весть что, но так повелось. Пусть даже в семь утра.

Суп, кстати, ничего.

Решено было так: сегодня летим мы. А Юля с Сережей и детьми – завтра. Я не хотел лететь с детьми – при всей любви. Это тяжело. К тому же для мамы всегда беру бизнес-класс, а брать бизнес-класс на всех было бы слишком.

Они сами оплачивают билеты, с меня – вилла на месяц (сильно сказано, – просто домик) на берегу, в К.-Х. Там тихо и мало туристов, бывшая рыбацкая деревня. От Ираклиона полчаса.

Сам остановлюсь неподалеку – в отеле. Чтобы иметь возможность поработать, тишину, и вообще.

Два часа из четырех в полете я проспал.

Снижаемся над голубым морем, уже видно блеск барашков, видно остров в гористых складках и белых поселках. Я смотрю в иллюминатор. Мама тоже выглядывает вниз. Я вижу, что она счастлива.

Быть счастливым от малого – это есть не у всех. Очень многие годами, что бы ни получили, отравляют себя каким-то ядом... Ладно.

Вот Ираклион, потряхиваясь в воздушных ямах, тянется справа, а вот шасси касаются бетонной полосы.

Всё это сто раз видено – а ощущение по-прежнему, что мир этот нереальный. Сложно объяснить. Дело не в климате и географии, и он не лучше других, но кожей чувствуешь, что собран из других молекул. От этого на островах не покидает ощущение сна.

Водитель складывает чемоданы в багажник. Воздух пахнет нагретыми травами, – ветром их аромат доносит на парковку.

Здесь любой пустырь благоухает.

Двадцать минут по трассе на восток – и мы на месте. (Проехали мою гостиницу – несколько уютных белых корпусов – она близко, вернусь пешком.) Достав чемоданы, таксист с выражением говорит:

– Welcome.

Осматриваюсь. Должно быть там.

Катим чемоданы по короткому переулку в сторону моря. Застройка не выше трех этажей. Олени осыпаются над белыми стенами. Во дворе маленького домика показалась овчарка, посмотрела на нас и снова ушла в тень. Столовая небольшой гостиницы. Загорелая женщина на пороге нам улыбнулась.

На нашей «вилле» хозяева, пожилая пара, передают ключи, показывают, где что. Работают кондиционеры. Всё очень прилично. Новая мебель, огромная кухня со всеми ложками-поварешками, окна в пол. Муж в брюках, клетчатой рубашке и очках на цепочке, с аккуратной щетиной, похож на университетского профессора, а его жена – просто на средиземноморскую старуху.

Перед домом деревянный заборчик с калиткой и бетонная дорожка, а сразу за ней, за парпетом, пляж.

Дом двухэтажный, уступом, на крыше первого этажа терраса. В этом его фишка – на ней можно загорать, а по вечерам сидеть и смотреть на закаты.

Низко пролетает самолет.

Захожу внутрь принять душ.

Позже, когда мама распаковала вещи, идем по жару в супермаркет (он здесь рядом, я посмотрел по карте) – мимо огражденных домиков с садами, открытой кофейни, церквушки, пары сувенирных и продуктовых лавок, gent-a-sag, пиццерии, перед входом в которую припаркованы скутеры доставщиков. Вентиляторы выбрасывают из кофейни и магазинов на раскаленную улицу холодный воздух. Всего семь минут.

Нагружаем тележку продуктами. Мама не может сдержаться при виде исполинских картофеля – со смехом показывает клубень размером с авиабомбу.

– Земля родит, – говорю.

Тащим по жару домой. Маме хоть бы что, с меня пот градом. (Понятно, я несу большую часть.)

Дома она готовит средиземноморский томатный суп с расчетом на ребят, на завтра.

– Лангустинов запекать уже с утра.

– Ты бы сама чего-нибудь поела.

– Я поела в самолете, пока ты спал. У меня еще осталась булочка. Ты что-нибудь будешь? Сделать яичницу? С твоими колбасками.

О, колбаски – местные, критские, сыровяленые с разными травами. Копеечные, но очень вкусные. Не по диете – но какая разнища.

– Не возись, – говорю, – я их так съем.

Смотрю на термометр: на улице 38. Кондиционеры убавляю до 16. Жуя колбасу, обхожу комнаты.

Устраиваюсь на диване в гостиной, совмещенной с кухней. Глаза смыкаются.

– Я посплю, – говорю.

– Спи, – говорит мама.

В банкомате у супермаркета я снял для нее немного налички (с карты, оформленной на Свету). Не парясь с чемоданами, прямо за углом беру напрокат тойоту-ярис. Самое новое, что у них

есть. Маленькая, белая. «Климат-контроль!» – с гордостью говорит владелец. Кидаю в нее чемодан, сумку, через минуту подкатываю к гостинице.

Регистрируют шустро.

Здесь собственный участок пляжа при выходе из номера, отделенный от других непроницаемыми для глаз живыми изгородями из кипарисов. Корпуса новые. Типа пять звезд, но выглядят на четыре. Сойдет.

Возвращаюсь пешком по прибрежным дорожкам. Прохожу сквозь кафешки, мимо маленьких жмущихся друг к другу гостиниц.

А вот и Джо.

У него почти никого – для ужина еще рано. Его брат помогает на кухне и с раздачей. Белые скатерти по краям столов зафиксированы прищепками. Основания металлических зонтиков укреплены бетонными блоками – на случай сильного ветра.

Джо замирает, увидев меня, морщится.

– Нет, нет, нет, – говорит Джо по-русски. – Опять ты.

И тут же громогласно:

– My VERY best friend!

Весь в поту. Толстый лицедей.

– Джо, Джо, Джо, – говорю. Качаю головой и смеюсь. Пожимаем руки.

Он садится вместе со мной. Официантке быстро приказывает по-гречески, она бежит в кухню, несет бутылку и стаканы.

– Ты давно? Надолго?

– Сегодня прилетел. И сразу к тебе. Недели на две, там посмотрим.

Его брат улыбается и кивает из-за стойки.

– О-о-о! – он вскакивает. – Что будешь? Всё сделаем!

– Джо, – говорю. Смотрю на море, потом опять на него. – Джо. Для начала твой офигенный бургер.

– О-о-о! – кричит. – У тебя будет ЛУЧШИЙ бургер на Крите! The best of the best!

Отдает приказ официантке, та убегает. Вскрикивает:

– No, I am going to cook myself for my very best friend!

Через бисерные шторы заходит в кухню, становится у плиты, не переставая что-то приготавливать.

Немцы за соседним столом ржут.

Через 15 минут приносит две огромные дымящиеся котлеты, из которых сочится сок. Вилкой отодвигаю гарнир – картошка фри и рис с овощами. (Чего никогда не пойму – как их можно совмещать.) Официантка ставит дзадзики, хлеб и греческий салат.

Вина выпили.

Я пробую мясо.

– Джо, – говорю. Он смотрит с видом «ну как?». – Это самый офигенный бургер, который я ел за последний год.

Он расцветает и начинает петь. Грек из-за крайнего стола раздраженно ему кричит. Джо уходит к нему, кричит в ответ, жестикулирует.

Я ем хрустящую снаружи и розовую внутри котлету.

Возвращается и громко заявляет:

– You know, Tolya, I only have ONE problem.

Поднимает указательный палец.

– What is it? – спрашиваю.

Взмахивает руками:

– GREEK PEOPLE!

За соседними столами смех.

Он пародирует:

– “I want my souvlaki right now!” But it takes time to cook them, see? Do you understand me?!
TIME!!

Он изможденно качает головой и садится. С моря задувает ветер, скатерть шевелится.

– Ты ничего не имеешь против Вьетнама?

– Против Вьетнама, – говорю, – ничего.

– Ну вот и отлично, – хитро улыбается.

Говорю ему, где остановился.

Щеколда на деревянной дверце скрипит. За ней море и остров напротив. Выходим с мамой на пляж. Тихо, нелюдно. Солнце сядет после восьми, еще жарко. Пляж узкий, без всяких зонтов и лежаков, на нем темный песок и большие камни. За фиолетово-белой водой километрах в десяти остров Диа. На нем ничего нет. Самолеты регулярно заходят справа, с востока, пролетают над берегом и садятся в Ираклионе. Далеко слева видно аэропорт и поблескивающие самолеты на полосе. Видно, как они взлетают оттуда в сторону западных гор. Они отрываются от земли и резко уходят вправо, в сторону моря, туда, где садится солнце.

Захожу по колено. Вода чистая, дно мягкое. Захожу глубже, плыву.

Мама плавает дай бог. Она аккуратно держит голову над водой, чтобы не намочить волосы. Но волн почти нет. Потом мы загораем. Через час переоделись, идем на прогулку вдоль берега на восток, мимо разношерстных домиков и маленьких гостиниц со столовыми, разделенных кое-где переулками и пустырями. Здесь дорога шире. Людей мало. Гуляют семьи, парочки, местные пенсионеры с собаками. После плавания в мышцах здоровое чувство. Доходим до конца поселка – дальше территория большого отеля – там делать нечего – поворачиваем назад. Перед нами весь залив, и солнце садится в море правее Ираклиона. Мама говорит:

– Хорошо, что мы всё-таки это увидели.

Я спрашиваю, что именно.

– Всё.

Через минуту она добавляет:

– Вообще, если бы не ты, я бы так и не узнала, как прекрасно путешествовать.

Каким образом в ней это совмещается с ностальгией по Союзу и всяким охранительством – мне неизвестно. Хотя – в ком нет противоречий. Люди же не ходячая логика. Правда, многим кажется, что именно они лично, в отличие от других, последовательны и логичны.

Мы возвращаемся в дом, поднимаемся на террасу, я открываю рецину (мама называет ее «резиной»), мы сидим в шезлонгах с бокальчиками и смотрим на закат.

Здесь нет адресов. Вечно «там, за церковью, повернете налево». Я попросил Джо, чтобы она ждала меня у фонтана Морозини, – потому что фонтан легко найти. Джо попросил заехать, говорит, она того стоит. Ее, говорит Джо, тоже не перепутаешь.

Тонкая худая азиатка у венецианского фонтана на львиной площади выглядит эффектно и как-то неожиданно. На ней короткое обтягивающее платье. Она мне сразу понравилась.

У нее непроницаемое лицо без эмоций, но, кажется, нет крена в сторону недовольства или «мне всё равно». Сели в кафе.

– My name is Tolya.

– My name is Rosa.

– What would you like?

– Iced coffee.

– Two iced coffees.

Приносят. Пьем. Раскидистое дерево, тенты, фонтан, голуби, ранние туристы.

– What a day, – говорю.

– It's going to be crazy hot. – Добавляет: – I like it, though.

Да: каждый день над нами огромное голубое небо – на нем ни облачка, и, скорее всего, не будет ни облачка до самого отлета.

– You wanna go for a walk?

– Sure.

Плачу за кофе.

– Is that your wife's card? – слегка улыбается.

– My secretary's, – улыбаюсь.

– Oh, you've got a secretary, – она делает комично-почтительное лицо. Когда очень красивые женщины так шутят, это производит фантастическое впечатление. Я хихикаю. Она смотрит на меня и улыбается чуть больше:

– I like you.

Беру ее за руку, и мы идем в сторону галереи. Бродим по переулкам, закрытым тентами, потом выгружаем к собору Св. Тита. А потом город так прогревается, что пора менять локацию.

– Where do you want to go?

– Where are you staying?

– Nika Beach.

– Oh, I know the place.

В машине, потому что она новая, климат-контроль фигачит так, что я через пять минут переключаю с 16 градусов на 19.

Розе нравится пляж в моем номере. Ей нравятся живые изгороди из кипарисов. Она идет внутрь переодеваться.

Возвращается в розовом купальнике, тонком и крохотном. Ей, понятно, лет двадцать пять. Кладу руку ей на бедро, а она – ладонь на мой затылок.

...Всегда удивлялся, как играют талантливые джазовые музыканты: с одной стороны – накал эмоций и полет, с другой – четкий контроль ситуации.

После такого хочется как следует выпить. Идем к Джо. (Мама позвонила: ребята прилетели, уже у нее. Загляну к ним завтра.)

Вечереет, спадает жара, а духоты здесь нет из-за постоянного ветра с моря.

Он видит нас издалека.

– Oh no, you again.

Убирает табличку Reserved со стола на краю террасы, который ближе к морю.

Садимся.

– Джо, Джо, Джо, – говорю.

С непонимающим видом заглядывает мне в глаза:

– Что?

Вдруг мы хохочем.

Роза делает гримасу «что взять с двух дураков».

– Да-а, – говорю, когда приступ проходит.

Джо соглашается кивком. Официантка приносит кьянти, но я говорю:

– Нет. Сегодня узо.

– О-о-о! – Джо, тряся животом, бежит за барную стойку. – О-о-о!

– You drink Ouzo?

Роза отвечает:

– Constantly.

Возвращается с бутылкой, рюмками и льдом. Остров Диа в лучах заката.

На льду узо становится молочным. Это невероятно вкусно.

– Actually, – говорит Роза, – I don't like Heraklion that much. And I don't like cities. All these shops and tourists...

Джо кивает и слушает внимательно, как папаша.

– I actually like this rustic shit, – легким жестом показывает вокруг.

Мы киваем.

– I like simplicity, nature, mountains, sea.

Мы киваем.

– I like godforsaken villages and cafes in the middle of nowhere.

Мы киваем.

– I even like Joe's shitty taverna.

Мы хмыкаем.

– I even like Joe.

Мы ржем.

– How can you say that. You are like a daughter to me!

Принесли блюдо с рыбой, мидиями, осьминогом и половиной лобстера. Я на седьмом небе. Внутри тепло.

– Я рад, – говорит Джо, – что ты доволен.

Дальше танцы в двух пляжных кафе по пути в гостиницу, потом мы поднялись на трассу, Роза сняла босоножки, несет их в руке, я обнимаю ее за талию. Кусты олеандров темнеют, как бастионы. Вдали совсем не видно гор.

Портье косятся на нее – как она ступает по мрамору босыми ногами и пока заполняет карточку. Понятно, ее бы все хотели.

В номере включаю сумеречный свет.

Мы выходим к морю. Она скидывает платье и заходит в воду. Я следом.

Проснулся в кровати. Роза варит американо в кофе-машине.

– Do you mind?

– Of course not.

Она оглушительно красива. Утром по-другому.

Дает мне чашку. Странно: я не чувствую похмелья. Так бывает только в самых хороших местах. Предлагает:

– Breakfast?

– No. You go alone. I'm gonna go meet with someone.

– Can I stay here?

– Sure. The restaurant...

– I know, it's downstairs.

Я принимаю душ, надеваю шорты, футболку и кроссовки и устраиваю легкую пробежку вдоль моря в сторону маминой «виллы». Здесь будет километра три.

Окна распахнуты, ребята уже проснулись, мама готовит у плиты, остальные у стола на террасе: Юля уговаривает Колю съесть омлет, малыш Ваня в коляске – улыбается солнцу и, похоже, всему на свете, а Сережа пьет кофе и что-то читает в телефоне.

– Физкульт-привет, – говорит. – Представляешь, кубинцы до сих пор предоставляют бесплатное...

Коля бежит ко мне и обнимает за ногу.

Мама хитро смотрит:

– Доброе утро.

Улыбается, прищурившись, – от нее трудно что-то скрыть.

Она никогда не пилила меня по поводу семьи и детей. Я благодарен ей и за это. Пару раз я говорил ей, что мне лучше жить вот так, одному, – еще много лет назад, – и она это приняла и никогда не пыталась переубедить или давить. Просто она умная и не как большинство мамаш.

Возможно, дело еще в том, что по своему опыту знает: жизнь с супругом – не всегда вершина гармонии.

Сажусь за стол. Как долетели? – Нормально. Спрашиваю, какие планы. – Юлия хочет на Курнос. Мама – в монастырь. В итоге решаем, что лучше пока отложить поездки, нормально акклиматизироваться, особенно детям, и вообще получить удовольствие от моря. Поплавать, позагорать и выспаться.

Ем гренки с яйцами.

Как Юле дали месяц отпуска? – Накопилось с прошлых лет. А у Сережи, понятно, как у всех преподав, целых два, – роскошь. Хорошо быть преподам. Отпуск ли у меня? – Нет, что-то мерцающее: я как бы на работе. Просто получилось организовать такой просвет... Но в любой день, может быть, придется сорваться. По идее две недели точно есть.

Юля говорит, что у меня забалдевший вид.

Вот *они* – созданы для семьи. Причем Юлия – главная, определяет стратегию. Как, когда и что будет: сегодня ремонтируем балкон; завтра делаем ребенка. Сережа – возится с детьми не меньше, чем она, видно – с удовольствием. Он заботливый, спокойный. Особо забавны на этом фоне разговоры о революции.

Позже они идут к морю, а я возвращаюсь к Розе.

Еще три дня – лень, секс, плавание, валяние на берегу, вылазки к Джо. С мамой – прогулки по деревне. Заходили раз вглубь, в горы. Ближе к ночи вино. Иногда ночные заплывы. Этим утром я просыпаюсь на песке. Надо мной пролетает самолет.

К шуму самолетов, заходящих вдоль берега в Ираклион, быстро привыкаешь. Он не будит. Да ночью и меньше рейсов.

А днем на пляже с Розой или мамой мы смотрим вверх и стараемся разглядеть авиакомпанию. Иногда это просто, иногда солнце бликует или мы не понимаем, что за рейс. Вот это Swiss Air – да, точно, Swiss Air. Их не перепутаешь. У них лучшая кормежка из всех.

Разумеется, я делаю так, чтобы мама и Роза не пересекались. Еще не хватало.

Захожу в комнату, залезаю в кровать. Я в песке, – ничего, уберут. Роза меня сонно обнимает.

– Tell me something.

– What?

– Some story.

– Like what?

Мне не нужен разговор «за жизнь», о том, как она здесь оказалась, – в этом ничего интересного. Просто нужен фон.

– Do you have fairy tales in Vietnam? Tales or legends?

– Of course we do.

Она садится по-турецки, на секунду задумывается:

– Well, here is one. A story from my grandma. She was living in a small village in the jungle. When she was little, they found a man. He looked like – like, butchered. The old woman in her village whispered crazy things, strange things. They called him a demon. Only in the hottest years this happened... And that year, it grew hot. They began finding their men. They found them sometimes without their skins... and sometimes much, much worse. They called him “the demon who makes trophies of men.”

Сучка: она же пересказывает первого «Хищника». Сначала я повелся. Бью ее подушкой. Идет легкая борьба.

– So did your grandma kill the demon?

– No, – говорит она, отбиваясь. – She sucked his dick!

Она будет поинтереснее Наташи. Да, собственно, и большинства женщин, которых я знаю. Женюсь. Но сначала в душ.

Там такие каменные ступени в ванну, сажусь на одну из них и наполняю ванну водой. Плещу себе из крана на лицо. Заходит Роза, берет душ, льет воду мне на голову.

Мы устали сидеть на месте.

Роза садится за руль, и мы отправляемся на запад, – она хочет показать мне акведук Святой Ирины, а потом деревню Арханес. Акведук двухъярусный, огромный и заросший, как на итальянских картинах. В нем гнездятся стрижи. Проходим под ним, фотографирую с разных сторон. Лучшее всего получается с обочины трассы – оттуда он вмещается в кадр целиком. В Арханесе узкие переулки и много склонов. В итоге мы бросаем ярис на площади и идем гулять по самой жаре. Захолустье. В тени валяются тощие коты. Временами машина поуже нашей тойоты протискивается по переулкам. Почти у всех машин поцарапанные бока. Здесь на это не обращают внимания. Небольшие частные дома цветов от розового до темно-синего. В одном пустынном переулке из двора вдруг выходит девушка, скорее всего еще школьница, – при параде – накрашенная, с уложенными волосами, в костюме, на каблуках, – куда-то идет, – возможно, в гости. Что у нее за жизнь? Везде чисто. Возле храма открывается вид на низину и соседний холм. На флагштоке рядом с колокольной флаги – бело-голубой государственный и церковный, желтый с орлом.

В каком-то тупике поднимается над забором запущенное апельсиновое дерево, всё увешано красноватыми плодами. На парадных улицах такого не увидишь.

Следующим утром выдвигаемся на восток – в сторону плато Лассити. Мама в предвкушении, она радостно-изумленно, как в первый раз, разглядывает горы, по-детски радуется поворотам трассы, подмечает красивые (как она говорит) бухты, что-то вспоминает. Я чувствую себя свежим. Внизу остается Малия – туда точно не стоит соваться, – разве что кому-то хочется смотреть на толпы блюющих англичан. Климат-контроль на 20, чтобы ее не заморозить.

(Роза уехала в Ираклион.)

Поднимаемся довольно высоко, мама сжимает сумочку на коленях, и на одной из извилин дороги, на склоне, – монастырь. Мама говорит:

– Панагия Кера Кардиотисса.

Не помню, что это значит.

На парковке кроме нашей две машины. Мама достает косынку. Покупаем билеты. Проходим на территорию – всё маленькое, компактное. Ухоженные клумбы. С террасы прилично далеко видно – до самого моря. Посреди храм – небольшой, сложенный из больших неодинаковых камней, приземистый, старый. Мама, прежде чем зайти, обходит его вокруг. Говорит:

– Пойдем вместе.

Пойдем – внутри сумрак, прохлада, тишина. Поблескивает позолота, несколько свечей, лучи из узких окон. Мама проходит, насколько я понимаю, к главной местной иконе – Богородицы (копии продаются в лавке – купили несколько вместе с сувенирами). Стою жду. Еще два туриста – муж и жена – осматривают фрески на левой стене. Полутьма, прохлада и тишина.

На секунду пол поплыл под ногами. Будто меня легко толкнули. Овернулся – никого. Да, тут частенько трясет – местные не обращают внимания.

Выходим на яркий свет. Мама сияет. Я говорю:

– Ты почувствовала толчок?

Она не слышит, вся в себе. Ладно: не буду ее пугать.

Выше по трассе семейная таверна. Она стоит на краю деревушки, в которой не больше десяти домов.

Столики на площадке с головокружительным видом на серпантин, который мы проехали, Малию и море внизу. Садимся между шведской семьей (в древнем смысле) и французской парой. Заказ принимает хозяйка – сморщенная, суровая, но суровая не по-настоящему. Дочка приносит-уносит блюда, отец с сыном в кухне этажом ниже – тут всё на склонах и не поймешь, что называть цоколем, что первым этажом, что вторым.

Маме подают обжаренный ломоть домашнего хлеба с уложенными на нем кусками феты, оливками и вялеными помидорами, всё спрыснуто маслом со специями. Мне – баранью котлету с картошкой. Мама пьет лимонад.

Отдохнув, идем бродить по деревне. Никого, гуляет ветер. Возле самого большого дома – возможно, это что-то вроде местной администрации, – выставлены кадки с цветами, хотя вокруг всё и так в зелени.

Через дорогу – на склоне – магазин всякой белиберды. Самодельные сувениры, колокольчики, фенечки, автомобильные номера.

Внутри, за бисерной шторой, неподвижно сидит бородатый дед.

Едем дальше. Показываются старые неработающие мельницы, некоторые без лопастей, за ними местность выравнивается, и вот перед нами плато. Овцы пасутся на лугу справа. Еще мельницы, ресторан на развилке. Дальше – километры плоских полей и садов, окруженных горами. Здесь перестает ловить навигатор. Еду через оливковые рощи наугад. Открываются новые виды на горы с разных сторон плато. Людей нигде нет. Вдруг попадают сожженные солнцем фермеры – они что-то поливают из шлангов. Равнодушно косятся на нас.

Мама в восторге.

Возвращаемся на «виллу» к вечеру.

На «вилле» (уже закат, ужин, вино) Сережа говорит:

– Удивительно, на Кубе до сих пор предоставляют бесплатное...

Он даже не понимает, что произносит оксюморон. «Предоставляют бесплатное». На уровне государства – нонсенс. Да что там на уровне государства – на уровне его пребывания здесь...

Звонит Вова – отхожу к перилам – чтобы мама не слышала.

Опять пьяный, опять «братишка» и «обнимаю», но в этот раз мне его особенно жалко: почему-то подумалось (смотрю на море), что он прожил свою жизнь и теперь снова разговаривает на языке младенцев. Такая инволюция. Странно представлять его сейчас в его двухкомнатной материнной квартире в Мытищах. Я тоже говорю «братишка» и «обнимаю», «да» и «обязательно увидимся», – когда он делает паузы в своем нечленораздельном лепете.

Он сын брата отца. Та половина семьи почти вся такая.

Возвращаюсь за стол. Сережа кормит крохотного Ваню.

Я вот думаю: мой отец нас бросил, когда я был таким же. Я его даже и не помню. Держал ли он меня на руках? Качал ли? Обнимал хоть раз, как это делает сейчас Сережа со своим сыном? Каким надо быть гонимом, чтобы оставить ребенка в таком возрасте. Ладно.

На следующий день мои уезжают на озеро Курнос. Я, хоть убей, не понимаю, в чем кайф. Ну да, большое пресноводное озеро в горах. Да, чистое. «Там черепахи – на противоположном берегу, – Коля хочет увидеть черепах». – Ну ладно, черепахи... Там вода красиво меняет цвет с голубого на изумрудный, причем так, что видно четкую линию, где над песчаным дном она разделяется по цвету. Но слишком много людей, по берегам бродят гуси, совсем уж колхозные столовки, везде катамараны... Чтобы всех вместить, Юлия взяла напрокат Escalade. Возможно, единственный на острове.

В 7:30 подбираю Розу в Ираклионе, едем в Ретимно, – говорит, там есть один браслет, который она давно хотела купить. Потом обещает показать заброшенную деревню. Называется Лаппа или как-то так.

Я получаю удовольствие от езды по горной трассе, от ее поворотов, которые я прохожу на скорости, – из яриса можно кое-что выжать. Из-за высокой крутой горы на очередном повороте показываются другие, и так снова и снова. Иногда трасса выныривает к побережью, и тогда справа внизу открывается вид на голубое море. Где-то склоны гор поросли лесом, а где-то только тронуты зеленью, голые и каменистые.

Около десяти мы в Ретимно. До жары идем в Фортеццу – поднимаемся на холм – между камнями на ее высоких стенах кое-где торчат кусты. Сверху, со стен, хорошо смотреть на море. В одиннадцать уже жара. Спускаемся в старый город. Идем по переулкам, перекрытым тентами, в ювелирной лавке покупаю ей браслет. Она благодарит и целует.

– It's nothing, – говорю. Но мне приятно.

Садимся завтракать в кафе на площади (если ее можно назвать площадью) возле фонтана Римонди. Тут дома тесно и несимметрично налеплены, народу снует много. Плетеные стулья. Приносят «большой греческий завтрак» – он никогда не такой большой, как ожидаешь. Сидеть с молодой девушкой под тентами в прохладе вентиляторов, пить кофе и смотреть на туристов и местных – отдыхающих, продавцов, доставщиков, официантов, – смотреть, как протискиваются машины, стараясь не зацепить углы домов, кто сидит за соседними столиками, смотреть на ее смуглую кожу, почти ни о чем не думать...

В общий чат пишут: Лёля погибла. (Чат сокурсников.) Я смотрю на площадь, людей, дома с тентами, фонтан слева от нас. Над окнами лавки напротив разными цветами написано «Cul de Sac».

Что значит «погибла»? – Утонула в Таиланде. Известно только это. – Утонула в океане? – Поехала отдыхать. – Какой ужас. – Без сына? – Вдвоем с мужем. Сына оставили у бабушки. – Ему же всего восемь. – Жили в гостинице на Пхукете. – В голове не укладывается. – Мужа сейчас допрашивает полиция. Я перестал читать.

Глажу Розу по руке.

– Let's go?

– I just need to use the toilet.

Роза встает, я сижу и вдруг вижу, как из толпы в тень кафе заходит Лёля. Садится в кресло напротив. Ее косичка и курносый нос. По-деловому достает из сумочки телефон, сейчас расскажет, шепелявя, об успехах коалиции работодателей, потом убежит – забирать с тренировки сына.

Что это за Лаппа? Брошенная деревня. Древняя, разумеется. Роза долго искала, мы колесили по диким местам, пока не заехали в полную глушь. За бортом сорок два. Хорошо, что в ярисе холодно. На солнце блестит белый капот. Наконец, нашли. Роза не уверена. Возможно, это другое место.

Мы бросаем машину там, где осталось подобие грунтовой дороги, и идем по тропке по-над скалами. Вокруг заросли. Мы не видели никого на километры вокруг, – только маленькое стадо коз, на одной из которых позвякивала погремущка.

Идем через заросли, как через туннель, потом они чуть расступаются, – и вот, действительно, деревня. Вернее, то, что от нее осталось. Несколько грязно-белых стен – без крыш, окон, дверей. Каменные ступени и заросшие терраски. Церквушка – тоже без крыши. Ни крестов, ни росписей. Внутри видно примитивный каменный алтарь. Кто-то прикрепил на низкой, с человеческий рост колоколенке новый блестящий колокол. Здесь настолько тихо и дико – не знаю, как передать. Фоновый треск цикад подчеркивает тишину. Приходит чувство, что ты нигде. Я подумал, что если я сейчас закричу, звука не будет.

Роза приводит к выступу из скалы, спрятанному под деревьями.

– Here, – говорит. – Sit down.

Я опасюсь, что могут быть змеи.

На жару я опасюсь за сердце.

Но скоро забываю о страхе и о другом.

Когда мы идем обратно к машине, я подхожу к колоколенке и дергаю язычок колокола. «Тун-н-н!» – звук всё-таки есть, но какой-то пустой, под стать месту.

К Джо не пойду. Выпью дома (в смысле, в номере). Кто-то говорил мне, что моя квартира в Москве похожа на гостиничный номер. По-моему, в ней просто чисто и ничего нигде не валяется. (Уборщица убирает раз в неделю.) В самом деле, это в гостиничных номерах всегда набросано.

Роза меня поддерживает – в плане алкоголя. Она не слабак.

Темнеет. Сижу в шезлонге между кипарисами. Смотрю на горизонт. Закат слева. Ветерок.

Почему допрашивали мужа? – Оказалось, она вышла поплавать ночью, пока он спал. – В море? – Они снимали бунгало с бассейном. Она вышла поплавать в бассейне. – Утонуть в бассейне? – Это очень странно. – И муж ничего не слышал? Я перестал читать.

Смотрю: солнце заползает вниз уже не в море, а ближе к западным горам.

Когда я плаваю, я всегда очень аккуратен.

Роза ждет, когда я заговорю или встану и предложу окунуться или пойти поужинать. Она меня не трогает. Наконец, она встает и идет в номер. Уже совсем темно – видно только огни по побережью.

Присылают видео. – Оказалось, муж ни при чем. – Запись с камеры наблюдения над входом в бунгало. Разумеется, без звука. Время: 02:24. Показывается Лёля, ее видно со спины и сбоку. Сбрасывает халат и заходит в подсвеченный бассейн. Его видно только на четверть. Уплывает за пределы видимости, – от ее движений создаются круги на воде, – они попадают в объектив. Один, другой, третий... А потом всё.

Напоследок беру на два дня яхту. Содержать яхту – не по моим доходам, а арендовать на денек-другой – вполне. Джо посоветовал капитана в Ираклионе.

Первый день – семейный. Мы идем на восток, минуем Малию, Спиналонгу с его крепостью, Агис Николаос, потом огибаем остров и идем на юг. Снимаю на видео куски побережья – прежде всего те, где берег не плоский, где из воды поднимаются скалы, а из них как бы вырастают белые поселки.

Маленький Ваня хорошо переносит море. Он довольно выглядывает из-под козырька своей коляски. Иногда Юлия уносит его в каюту поспать. В открытом море останавливаемся (сегодня штиль). Сережа и Юлия прыгают с борта, мама спускается по лесенке. Коля в надувных оранжевых нарукавниках. Нам предлагают коктейли – Юлия пьет апероль шприц, Сережа – белое вино. Я – немного красного. (Шучу: красное должен пить он.) Фотографирую Юлю и Сережу с детьми. Фотографирую их вместе с мамой. Димитриос (один из двух членов экипажа) фотографирует нас всех вместе. Все уже неплохо загорели. Когда идешь на яхте, жара переносится по-другому.

Мы сворачиваем в дику бухту среди скал. Бухта с изумрудной водой. В ней несколько других яхт – здесь неглубоко, чистая вода просвечивается солнцем, на дне видны тени от яхт, и кажется, что они не лежат на воде, а парят над чем-то бесплотным.

Вечером нам предлагают бургеры с овощами, которые жарят здесь же, на гриле. Что за день.

Посматриваю на маму – она светится. Смеется, болтает с Юлей, возится с детьми. Видеть ее такой для меня – отрада. Получается, всё не зря. Довольно дерьмовая первая половина жизни компенсируется нормальной, полнокровной второй.

Розе яхта нравится. Капитан ей знаком, что неудивительно. Капитан и помощник – профессионалы. Не расспрашивают и не лезут не в свое дело. Мы идем на запад – до Элафониси – и назад. Фотографирую Розу на носу яхты: она дурачится, принимая позы а-ля модные журналы. Лучшее фото: сидит в белом парео, солнечных очках и шляпе с большими полями, вытянув свои изумительные длинные загорелые ноги. Пусть для нее эта прогулка будет вишенкой на торте.

Света заказала билет.

Вечером захожу на «виллу» прогуляться с мамой. Привычный маршрут – до края деревни на востоке, поворачиваем назад, и тут она говорит, что немного устала.

Слышать это от нее удивительно.

Говорит, всё хорошо.

Может быть, слишком много впечатлений. Или уже возраст.

На прощанье Роза говорит:

– Call me whenever you want.

Перед расставанием я проявляю максимальную щедрость.

Интересно, как ее в самом деле зовут. Нгуен-что-нибудь-там. Вот и Джо – он ведь тоже не совсем Джо. (Ему я тоже перевел – в благодарность.) Проходя недалеко от его таверны, слышу, как он кому-то рассказывает:

– You know, I only have one problem.

– What is it? – спрашивают.

– Greek people!!

Слышится смех.

В Москве немного душно и сухо. По прилету сразу погружаюсь в работу. Большую часть времени занимает проект с Азией – с ним всерьез и надолго. Ибрагимовский проект в Казахстане реализуется нормально – если бы не было досадных стычек с местными рабочими. При строительстве складов двое разбились – упали с лесов, страховки не было. (Почему это допустили? Я не знаю деталей – занимаюсь сугубо финансовыми вопросами.) Ну, остальные давай бастовать. Типа, вы нам и зарплату не поднимаете, да еще и это... Там на беду оказался один из европейских инвесторов, итальянец. Он вышел с ними общаться – решил урезонить. Он стал им говорить: «Многие хотят феррари, но чтобы его купить, сначала надо долго и усердно работать». Что-то такое, плюс минус. Так они там так взъерепенились, что чуть его не убили. Ибрагимов мне это рассказал со смесью смеха и негодования: мол, это ж надо быть настолько ебанутым, чтобы говорить людям подобные вещи... Никакого понимания реальности и психологии.

Интересно, я увижу в этом месяце дождь?

Юля пишет (они еще в Греции): мама немного хворает. – Температура? – Нет, общая слабость. Сегодня осталась полежать вместо прогулки. – Последи за ней. – Юлька отвечает: конечно, «не бойсь», всё под контролем.

Возвращаются они двадцать пятого.

В конце августа, пока у меня еще есть время, по страховке отправляю маму на обследование в «Мед Би». Там всегда по высшему разряду. У них уникальное оборудование. Отдельная палата с ванной. Через неделю ее не выпускают – говорят, надо дообследовать. В итоге говорят, что нашли одну опухоль – небольшую, – повода для беспокойства нет. На то, нужна ли операция, говорят – нет, не нужна. Достаточно неинвазивной терапии.

Говорят, если обследовать любого пожилого человека тщательно, обязательно что-нибудь найдут.

Мама вполне бодрa и крепка духом. В клинике она проводит больше времени в соцсетях, каждый день поздравляет френдов с юбилеями советских достижений и побед, – всякие там курчатовы, чкаловы и прочие белки-стрелки. Заваливает открытками «Мы помним, мы гордимся».

В сентябре летим с одним из акционеров на Филиппины – знакомиться с местными регуляторами, налаживать контакты, присматриваться. Всего на пять дней. Он моложе меня, хватка бешеная. Мы прилетели на его бизнес-джете. Многие думают, что банкир – это такой мистер-твистер. Они не понимают, что я лишь топ-менеджер. Управленец. Между мной и любым из наших основных акционеров дистанция примерно такая же, как между мной и Ибрагимовым.

(Маму пока не выписали, диагнозы и рекомендации – невнятные. Но – лечат, относятся внимательно. Каждый день выхожу с ней на связь.)

Сначала Манила, потом Кабанатуан. Пять дней меня, если честно, немного выбивают. Чувствуется джетлаг, да и климат тут, несмотря на облачность и дожди, кажется непереносимо жарким. Дело во влажности, хотя к сентябрю она, по идее, должна спадать.

Дожди – да не те.

Главное, есть прогресс.

Вернуться с пустыми руками было бы не самым приятным началом.

В Москве наконец прохлада. Галя позвала на выставку. Давно не виделись.

– Как съездила в Ментону?

- Нормально.
- Как Даша?
- Хорошо.
- Как ее ресторан?
- Дела идут.
- Она с Эрвье?

– Да, по-прежнему. Но вечно балансирует на грани. Раз от раза изобретает какие-то проблемы. Ну, ты знаешь Дашу.

Мы ходим по выставочному центру в Пушкинском переулке.

Посреди затемненного зала стоит колонна с надписью «СВОБОДА», по стенам подвешенные к потолку кресла-качалки, их крепления подсвечены зигзагообразными светодиодными гирляндами а-ля молнии, уходящими в потолок, на который спроецирован открытый космос, – медленно вращаются галактики, туманности и прочее. В некоторых креслах сидят посетители.

В программке написано: «INSIDE OUT – иммерсивная мультидисциплинарная выставка, которая будоражит сознание, погружает зрителя в пространство экзистенциальных озарений и помогает найти путь к себе».

- Ты, – говорю, – организовала?

– Да. Видишь: мы решили экспозицию в формате мультижанрового диалога между автором и зрителем. Вернее, не я, а автор, – Миа Литвак. Но и я поучаствовала.

В другом зале – кромешная тьма, только звучит пульсирующий бит и на одной стене сияет серебристая проекция оленя.

«Выставка дарит совершенно новый эмоциональный опыт и дает ключ к пониманию себя».

В третьем – весь потолок в сталактитах из увядших полевых цветов и ковыля.

Когда выходим на свет, Галя говорит:

- Ты загорел.

- Да, – говорю, – на Крите.

Она в больших золотых очках, объемной разноцветной арафатке, накрученной на плечах поверх длинного платья в пол, массивных африканских браслетах на запястьях. Крупная, симпатичная. Это ее мир – она здесь как рыба в воде. Пока пьем кофе в кафешке, смотрю на нее с теплотой: как это из таких маленьких мальчиков и девочек повзросло такое удивительное и разное. Хочется, чтоб у нее всё было хорошо.

Галя много увлеченно рассказывает о своем искусстве: об аудиоинсталляциях, видеоарте, виртуальной и дополненной реальности, каллиграфии и арома-композициях, об инсайтах, эмерджентности и неотделимости от единого целостного бытия, а мне вдруг хочется рассказать о Лёле (ее похоронили, пока я был в командировке, Галя ее, разумеется, не знала, – мы учились в разных вузах), о видео с неподвижной камеры наблюдения, о том, как пошли круги на воде, а потом прекратились, но не знаю, как привязать это к разговору. О маме тоже не говорю.

Кофе переросло в вино, вино в бехеровку. Распрощались мы только за полночь. Насколько я знаю, Галя никогда не ложится раньше трех.

В «Мед Би» что-то мутят. Хотят больше денег, понятно. Третья неделя – уже без страховки – долго и бесплодно. Мама, при всех ее разумности и спокойствии, говорит, что находиться в палате и гулять в коридорах и палисаднике осточертело. Да и эта неопределенность. Направлений не дают. О каком-то улучшении не говорят.

Она просит ее выписать – возвращается домой. Чувствует себя лучше.

По крайней мере на руках результаты обследований и назначения. С ними еду к Джанику.

Мама понимает, что надо лечиться.

По статистике, почти у всех пожилых людей рано или поздно находят рак. Особенно у долгожителей. В таких случаях обычно два сценария: либо берут свое общий износ организма и другие

естественные причины, либо успевает развиваться онкология. Чаще не успевает – большинство видов прогрессируют медленно.

Я знаю, есть случаи, когда с небольшой неопасной опухолью живут годами.

Ей, конечно, рано уходить. Исключено. Семьдесят один – не возраст. Впереди, дай бог, еще двадцать лет.

По-прежнему легкое недомогание и утомляемость.

Джаник говорит, изучая документы:

– Ты знаешь, я не онколог. Вот тут есть опухоль – в кишечнике. Я поговорю со своими. Скорее всего, надо оперировать.

– Насколько быстро она может развиваться?

– Обычно медленно. Тут надо смотреть...

– А кто по таким вещам лучший?

– Профессор Васильев. Я с ним лично не знаком.

Пытаюсь договориться о встрече с Васильевым. Пять раз созваниваюсь с его помощниками. Дважды по договоренности приезжаю в клинику, но он оказывается то в командировке, то на совещании.

С моей занятостью – это раздражает. Во-первых, я не абы кто. Во-вторых, мы вроде взрослые люди.

Вообще я привык, что в большинстве контор нашей страны 95 процентов – мудаки. За двадцать три года работы с кем только не имел дела. От сантехников до премьер-министра.

Кто бы из настоящих спецов ни заговорил со мной откровенно, по душам, – все «по секрету» сообщают про свою отрасль одно и то же: «Если бы ты знал, какой у нас пиздец».

Удивительно, как всё в целом еще работает.

Профессор Васильев, похоже, набивает цену. В последний раз я его шестерке говорю:

– Послушайте, скажите просто, сколько нужно денег.

Спустя два дня соизволили принять.

Васильев – надутый хер за шестьдесят. Долго говорит об отслеживании динамики. Перепутал имя мамы – дважды назвал ее Еленой Ивановной вместо Екатерины. Потом всё же признает: да, надо оперировать. Но надо и отслеживать динамику... В общем, «поставит в очередь».

Даю ему визитку и еще раз коротко, но четко объясняю, кто я. Называю пару имен.

Снаружи сухая осень, ржавые листья каштанов, солнечно, тепло и ветерок. От этого сразу спокойно, переключаюсь. Иду в сторону Абрикосовского – туда, где припарковался. Во дворах небольших дореволюционных особняков – бывших корпусов императорского университета – памятники Пирогову, Сеченову...

Когда, особо не думая, небыстро идешь по улице, хорошо. Наступаю на высохшие листья, чтобы услышать хруст.

После Крита я совсем не потолстел. По-прежнему слежу за собой. Почти не пью. Если что-то и налью вечером – то максимум бокал. Сейчас из-за проработки азиатской экспансии почти монашеский образ жизни. Из офиса приезжаю иногда в 10. Выходные провожу за компьютером. Нерабочих дней как бы нет. Мои два удовольствия – спортзал – разогнать кровь – и полежать. Да: просто лечь на диван в полной тишине пустой квартиры и кайфовать от этого. Кондиционер иногда на шестнадцать, иногда на девятнадцать.

Пропускаю несколько дней рождения – включая Юлькин и Сережин. Об обоих мама напоминает постфактум. Пишу запоздалые поздравления в WhatsApp.

Раз в неделю общаюсь с домработницей – вот и вся моя светская жизнь. Ее зовут Марина, ей за пятьдесят, она из Белгородской области. Переехали с мужем и детьми в Москву лет пятнадцать назад, но по-прежнему больше там, в провинции, чем здесь, в столице. Там родственники, друзья. Удивилась, когда узнала от меня, что Ботанический сад граничит с ВДНХ. То есть любопытно:

годами она ездит на метро к разным клиентам, как-то устраивает жизнь, быт, приобрела дачу за Домодедово, а город всё равно едва знает, – только отдельные маршруты.

Иногда привозит мне домашние соленья – консервированные помидоры, огурцы, – в сезон – свежую зелень с огорода. Я беру, благодарю, но потом, как правило, выбрасываю. Иногда забываю, и какой-нибудь латук подгнивает в холодильнике. Она не очень понимает, кто я и чем занимаюсь, хотя несколько раз спрашивала и я объяснял настолько доходчиво, насколько мог.

Сегодня видела, как я парковался, – спросила, как называется моя машина.

– Лэндровер. Модель Дефендер.

– У-у, – уважительно кивает. – А что это значит?

– Что значит? – улыбаюсь. – Defender – по-английски «защитник».

Кивает.

Что бы ни говорили, есть люди, созданные для определенных целей. Она создана, чтобы мыть и подметать. Причем сама говорит об этом искренне. Она рассказывала много историй из своей жизни, и везде это проходит красной нитью. Например, когда она вышла замуж, свекровь на первых порах внимательно за ней следила – хорошая ли та хозяйка, чистоплотная ли, и т.п. Кончилось тем, что в дни, когда Марина устраивала в доме генеральную уборку, свекровь куда-нибудь исчезала, – у нее не было сил смотреть, как невестка тщательно протирает каждую тарелку в серванте и до стерильного состояния надраивает каждый угол, отодвигая диваны и шкафы.

– Родные уже смирились, – говорит Марина. – А я от этого кайфую.

Заплатил за санацию дачи, не заезжая туда (обслуживает одна и та же проверенная компания), после на уборку отправил туда Марину. Вот где для нее раздолье.

Мама никогда не соглашалась на домработницу. «Чтобы у меня кто-то мыл? Что ты! Это ты занятая, а я в своей квартире порядок навожу сама».

Готовить, разумеется, сейчас времени нет – хотя иногда я люблю что-нибудь состряпать. В этом есть что-то от искусства и одновременно успокаивающее. Сейчас – одни доставки. Только по утрам сам делаю тосты и кофе в кофемашине. Иногда прошу Свету заказать в офис суши или бургер.

Утром посмотрел на себя в зеркало – у меня под глазами черные круги, как у енота. Но я-то не енот. Освобождаю ближайшее воскресенье, надо хотя бы один день отдохнуть.

План нехитрый: выспаться, утром к маме, потом – куда-нибудь за МКАД на природу, пока тепло.

Приехал – мама встретила и легла на диван. А ведь еще утро. Так, ну это ненормально.

Спрашиваю, ничего ли не болит. – Нет, только сегодня небольшая слабость. Предложила мне пообедать, я выпил кофе с пирожком. В магазины ходишь? Гулять? – Конечно, и в магазины, и гулять с подружками. – Что-нибудь заказать на дом? – Нет, всё есть. – Как аппетит? – Хороший. – Мам, не бойся, всё будет хорошо. Она удивленно и немного насмешливо поднимает голову: – П-ф, так я и не боюсь ничего.

Если завтра Васильев не назовет конкретную дату операции – найду лучшие варианты. На нем свет клином не сошелся.

После мамы не хочу никуда ехать, прогуливаюсь по Стрешневскому парку, а потом возвращаюсь к себе и ложусь спать.

Васильев предсказуемо переносит на январь, я кладу трубку. Еще один конченный мудака.

Встречаюсь с хирургом-онкологом в больнице РЖД (Джаник посоветовал) – без мамы – не хочу ее лишний раз нервировать, – вдруг и здесь будет бесполезно. Врач оказывается молодым и внимательным, с нормальным лицом. Изучив документы, говорит:

– Нужно оперировать как можно скорее.

– Где?

– У нас или не возьмутся за такое, или сделают хуже. Германия... Возможно, Израиль...

– Может быть, Куба? – говорю с непонятным себе юморком.

– Куба, – отвечает он, – была бы лучшим вариантом. Лечение при том же качестве обошлось бы в три-четыре раза дешевле. Но ваша мама может не выдержать перелета.

Я благодарен ему за то, что он говорит прямо, ничего не скрывая и не боясь напугать.

Рекомендует профильную клинику в Марбурге. Через него созваниваю с немцами, в течение нескольких дней согласовываю даты, и вот мы летим 2 ноября.

В этот раз при посадке под нами не сияющее море, а ублюдский Франкфурт. Нет города приятнее.

Из аэропорта мы едем на специально заказанном минивэне до Марбурга. То есть в сторону той Германии, которую обычно рисуют в путеводителях: тихая речная долина, старинные маленькие городки с замками на холме и лабиринтами узких булыжных улиц. Ну, может быть, они не все там такие, но Марбург точно.

– Ты как? – спрашиваю.

– Я, – говорит, – замечательно!

Подобные ее ответы – это никогда не ирония (тем более не горькая ирония). Произнесенные с кокетливой улыбкой, они всегда имеют буквальное значение – спокойствие, уверенность и радость жизни.

Когда мы добираемся до города, в нижней его части лежит туман и видно только ландграфский замок и шпили церкви и дома оберштадта. Мы проезжаем мимо. Клиника за городом, среди пожелтевших лугов на холмах, обсаженная тузовыми деревьями.

Проблема в том, что московские обследования, анализы и прочее, совсем недавние, их не устраивают. Согласно правилам, всё надо проходить заново. Это несколько лишних дней и очень много денег. Плюс – перед операцией нужна диета. Только в первый день ее отпускают со мной в город. Вечером выглянуло солнце, мама любит фахверковыми домами у реки и выше, на рыночной площади и в старом городе. Разумеется, поднимаемся к замку и смотрим на всю эту лепоту сверху. Ужинаем тут же, в Buckingham. На террасе холодно, мы садимся в зале. Заказали оленину и по бокалу вина, – не самый диетический вариант, но – когда ей еще разрешат так поест. Оленина изумительная.

Нам предоставляют переводчика, хотя с врачами общаемся на английском. Есть двое русскоговорящих. Ее прикрепляют к одному из них. Лев Юрьевич Заславский. Приятный лысоватый еврей лет пятидесяти пяти, в его речи слышен украинский и одновременно немецкий акцент.

Я думаю, остаться на всё время у меня не получится. Через три дня подтверждают – опухоль в кишечнике, надо оперировать.

Мне надо лететь в Москву. Я никак не могу остаться. Юлька тоже крайне занята – зашивается на работе.

Мама уверена, что справится сама. Палата большая, чистая и светлая, с видом на тутовые деревья, холмистые луга и леса за ними. И потом, тут прекрасный внимательный персонал. (Еще б им не быть внимательными.)

Я ее целую и обнимаю.

Очень надеюсь, что всё пройдет хорошо и что ее продержат не дольше, чем две недели.

Подписаны первые документы с регуляторами на Филиппинах. Планируются первые сделки по приобретению лицензий. Проект идет. Маму прооперировали – это длилось три часа – она позвонила еще в полудурманенном состоянии и в эйфории говорила, что ее спасли и какие здесь все чудесные. «Мои спасители». Это явная экзальтация вследствие наркоза и обезболивающих.

В следующие три дня, насколько я понимаю, ей непросто, хотя она старается скрыть. Но я слышу.

Потом выясняется: у нее не работает кишечник. – Что делать? – Нужна консультация гастроэнтеролога. – Так позовите гастроэнтеролога. – У нас их нет. – В смысле? – Это узкоспециализированная клиника. – Вы проводите операции на кишечнике, и у вас нет гастроэнтерологов? – У

нас узкая специализация. Мы занимаемся конкретными видами опухолей... – Что предлагаете делать? – Формально ее надо переводить в больницу, где есть гастроэнтерологи. (Прикидываю: еще миллиона полтора.) – А неформально? – Купите ей семена льна. – Что? – Семена льна. Отвар из них поможет. – Где купить? – В любой аптеке, они стоят пять копеек. – А вы сами не можете этого сделать? – Не имею права...

Спасибо и на том. Всё-таки товарищ с нашей школой. Осталось у него в голове нормальное понимание вещей. (При первой встрече рассказывал, что в восьмидесятые окончил Днепропетровский мединститут.)

Короче, лечу я с тщательно упакованными пакетиками семян льна – молясь, чтобы в Шереметьево или Франкфурте их не отобрали из-за каких-нибудь нелепых ограничений по ввозу/вывозу.

Пока прохожу контроль, вспоминаю историю: один приятель слетал как-то на отдых в Турцию – туда и обратно – а позже дома нашел в своем рюкзаке пакет с травой. Он забыл ее выложить перед отлетом – осталась с какого-то пикника...

Отвар семян льна действует, мама идет на поправку. Она выглядит хорошо, только похудела (при том, что никогда не была толстой).

– Что скажете? – спрашиваю Льва Юрьевича. – Это всё стоило того?

– Конечно, – говорит он. – Конечно. Вы всё правильно сделали. Подарили ей еще два-три месяца жизни.

– Два-три?

Мы сидим в его кабинете.

– В наилучшем случае – четыре.

Не скажу, что к этому я был готов.

– Должно быть какое-то решение.

– Этот вид рака – он как бы нигде и одновременно везде. Вы понимаете, удаленная опухоль – не единственная и, конечно, не первичный очаг.

– Возможны еще операции?

– Теоретически да, но это будет лишнее... м-м. Центры паллиативной помощи обеспечивают комфортный уход. Я вижу, вы хороший сын, делаете всё, что можете...

– Никаких средств лечения? Вообще ничего нет?

– Почему, есть.

Я его чуть не ударил.

– Ну?

Я привычно держу себя в руках.

– Это очень проблематично... Есть новый препарат... Вернее, он на рынке уже двенадцать лет...

– Что проблематично?

– Он входит в топ-пять самых дорогих в мире.

– Ага.

– Я понимаю, вы состоятельный человек.

Пожимаю плечом.

– О каких порядках мы говорим?

– Примерно сорок тысяч долларов за курс. Я знаю, вы любящий сын, и для успокоения совести, возможно, захотите...

Он что, ебанат?

– Где его приобрести?

– Да буквально за углом.

А, это он шутит.

– В Касселе. У них там лаборатории. Там же можно и приобрести.

– Что за препарат?

– Лаборатории «Сантья». Препарат «Элинап». Я вам сейчас всё напишу. Схему приема и так далее.

«Элинап» – я где-то слышал или читал.

– Так, а в чем проблема? Он не всегда эффективен? Побочки?

– Нет. Он очень эффективен. Я сейчас всё напишу. Негативные эффекты – минимальные.

Проблема – только цена.

Он печатает, я гуглю. 38000 трехнедельный курс.

– Сколько нужно курсов?

– В том-то и дело. Пожизненно. Пока пациент принимает – ремиссия. Вернее, развитие метастазов фактически приостанавливается. После отмены – снова набирает обороты.

– Приобретать можно только напрямую у них?

– Нет, он зарегистрирован в России. Лучше купить сейчас здесь, сколько возможно. Понятно, вам не дадут вывезти чемодан. Но несколько доз... Курсов на пять-шесть... А потом – можно приобрести в Москве. Я дам координаты клиник.

Я вспомнил, где слышал про «Элинап», – от Ибрагимова.

– Я вижу, вы любящий сын, – говорит Заславский, допечатывая. – Вы хороший человек. Я помолюсь о вас обоих в кугелькирхе.

«Кугелькирхе»? Нахожу силы на юморок:

– Неужели вы протестант?

– Нет, – говорит он, вздыхая, – нет. Но я стараюсь молиться всегда и везде – с католиками, православными, лютеранами. Мой дедушка – раввин – говорил, что молиться надо везде, везде иметь друзей и молиться при любой возможности... Только, ради бога, не говорите никому, что мы здесь давали вашей маме отвар льна... Иначе мне... – он проводит рукой по шее.

Захожу в палату. Мама читает. Улыбается, откладывает книгу на одеяло.

И я улыбаюсь.

– Что читаешь?

– Биографию Нижинского. Безумно интересно.

Я смутно помню, кто это.

– Я многого не знала. Он же любил мужчин. Его покровителями были князь Львов, Дягилев...

Дягилев... Вспомнил: танцовщик. Вот и на обложке – черно-белый, в дурацком костюме и вычурной позе.

– Однажды на пароходе в Аргентине он познакомился с венгерской аристократкой Ромолой Пульской.

Мгновенно забываю имя.

– Сойдя на берег, они тут же поженились. Представляешь, какая любовь... Такой силы... Дягилев, когда узнал, конечно, страшно взревновал. И лишил его покровительства. Выгнал из труппы и тем самым лишил средств к существованию. Но они прожили с Ромолой несколько счастливых лет. У них родились дети. А потом у него проявилась наследственная болезнь – сошел с ума. Представляешь? Бедный... Но Ромола его не оставила – до самого конца была рядом.

– Чем не сериал для «России 1», – говорю.

– Между прочим, среди них есть весьма ничего...

На следующий день маму выписывают – она тепло прощается с врачами и медсестрами, – мы едем в окрестности Касселя. (Взял напрокат мерседес серии GL.)

Она ходит без труда.

Еще одно футуристическое многомодульное строение в лугах, обсаженное краснолиственными кленами. Летом тут, наверное, почти как на старой заставке Windows.

Нас встречает чувак, видео с которым я после разговора с Заславским только и смотрел на ютьюбе и сайте Santia Labs.

Лысый, с каймой черных волос, в очочках, позитивный.

– Welcome. Ich heiße Klaus Mendel.

Он повторяет то, что я уже и так знаю – от потомка раввина и из их рекламных видео.

Умалчивает только о том, что склады забиты этим препаратом, о том, что, как сам говорил на камеру, компания «готова обеспечить всех заинтересованных пациентов нужным количеством препарата», который, «без преувеличения, стал волшебной пулей современной онкотерапии». (По-английски так говорят – magic bullet.) Ну и о цене при маме – ни слова.

Всё правильно – нет никакой нужды продавать миллион ламборгини в год. Достаточно двух – двух с половиной тысяч.

Мы в Москве. Уже последняя неделя декабря – мама чувствует себя превосходно.

После месяца работы (надо сказать, успешной) хорошо попасть на день рождения Гали.

Ну а что – как можно без радостей. Не смеяться. Как можно не жить. Юлька всё знает и полнотью меня поддерживает.

Она тоже здесь – с детьми и Сережей. Здесь и Галины родители, и ее двоюродный брат с семьей, и его родители, и пара ее богемных подруг, и моя мама в красивом платье, и несколько одноклассников с семьями, столы сдвинуты, официанты снуют, бегают дети... Подсвеченное окно с видом на засыпанный снегом Филевский парк...

Я выпиваю и хохмлю. Подкальваю то маму, то Сережу. Маму – насчет ее историй об императрице Александре Федоровне и о жене Хрущева, – они имеют привкус женских романов. На Сережу переключаюсь по поводу советской аристократии, в связи с той же женой Хруща и тем, как они, в отличие от народа, жили... Серый реагирует нормально – ржет. С рюмкой я обхожу сдвинутые столы и чокаюсь и обнимаюсь то с тем, то с другим. Образовалось несколько группок, где текут свои разговоры. Все под хмельком, но никто не пьян, – у нас так не принято. Из одной группки народ перетекает в другую. Сдвигают стулья. Беседуют, смеются. Все чувствуют себя раскованно, по-свойски. Нас немного глушит музыка. Мама говорит теплый тост о Гале и нашем дружном классе – замолкнув, народ внимательно слушает. В ресторане симпатичный интерьер. Приносят десятый набор закусок. Юлька пьет зеленый коктейль из прозрачного бокала в форме птички. Подарок от нас – дизайнерские серьги, цепочка и что-то еще. (Разумеется, выбирала Юлька.) Галя говорит проникновенный тост обо мне как о друге. Потом о всех здесь собравшихся, «таких чудесных особенных людях».

Такси вызывает Света.

Новый год празднуется более приглушенно. Мы на даче. Я вырвался на четыре дня. (Ибрагимов надумал перебраться с семьей в Швейцарию – поэтому в январе нам надо закрыть несколько дел до его отлета.) Маму я привез сам. Не хотел, чтобы она, как раньше, добиралась своим ходом.

Густо падает снег. Двор завалило. Мы с Сережей позже почистим дорожки и площадку около ворот и возле парковки. Снежные шапки лежат на крышах бани и беседки, на елях и соснах в лесу за забором.

Я выгребу всё до копейки – это понятно.

Что будет дальше – посмотрим. Сориентируемся по ситуации.

Я всё посчитал, еще когда Заславский произнес слова «сорок тысяч долларов». Примерно год. Что дальше – непонятно. Дженириков можно не ждать.

Можно взять в банке кредит. У меня же безупречная кредитная история. Шучу.

Мы принесли небольшую елку из леса – ради детей, и потом – так принято. Вчера мама, Юлия и Коля ее украшали. Еще развесили гирлянды по стенам и над окнами в кухне и гостиной. Подарки, разумеется. (Мне подарили черный худи с Веселым Роджером. На Новый год я прошу либо домашние штаны, либо свитера с приколом.)

Сегодня 1-е. Ночью, уже после соседских салютов, когда все легли, я выходил в туалет и с балкона второго этажа видел, как мама стоит внизу, у окна гостиной, и смотрит на слабо освещенный двор и лес за ним. Было часа четыре.

Я, наверное, должен с ней разговаривать в новом ключе. А я не знаю, как. Она ведет себя практически так же, как до болезни. Поводов к изменению общения не дает. О Германии рассказывает будто о туристической поездке, максимум – о том, каким заботливым был персонал и с кем из медсестер подружилась. Я не вижу ни вербального, ни невербального запроса на что-то дополнительное. И я разговариваю, как до болезни. Может, я недостаточно чуткий? Я не могу быть более нежным, чем я есть. Я мог бы попробовать, но не уверен, что это будет выглядеть естественно и сделает ей лучше. У меня есть чувство, что она всё видит и знает. В ней ее обычная мощь, но не стали, а моря. Море – оно ж куда сильнее.

Сказать ей: «Мам, я тебя люблю»?

Так я это постоянно говорю.

Этого недостаточно?

Я гуглю о раке. Блоги врачей. Блоги пациентов. Форумы. «Фонд борьбы с...». Психологические и благотворительные сайты.

Истории счастливого исцеления. Истории долгой жизни с периодами ремиссии и рецидивами. Истории переживания смерти родных. Пишут интересное и полезное о том, что такое, собственно, рак. О депрессиях и их преодолении. Много ерунды и болтовни. Кто-то обвиняет врачей в невнимательности и непрофессионализме. Кто-то благодарит. Рассуждают о нахождении мира внутри. О вечной жизни.

Некто Edwin, американец, пишет: My father killed himself so he wouldn't bankrupt the family trying to treat his cancer. He was my best friend. We did a Go Fund Me for his medical care and ended up using it for his funeral.

Много православных каналов. На одном из них фото – радуга над маковым полем и поверх неба надпись славянской вязью: «Не надо спасать весь мир. Помогите тому, кто встретился тебе на пути. Будь для него ближним».

Пойдем-ка мы гулять.

Снаружи изумительно свежий воздух. Закутанные, в высоких ботинках, мы сначала расчищаем двор – вдвоем с Сережей, – а потом всей компанией отправляемся гулять по поселку.

Если что-то и изменилось в нашем совместном общении, так это то, что при мне Сережа перестал цитировать Маркса и теоретизировать о построении бесклассового общества. Вообще он всё больше молчит.

Веду под руку маму и Юльку. Сережа катит саночки с маленьким Ваней. Коля подбегает к обочине, зачерпывает снег, лепит снежки и бросает то в нас, то в отца.

Дача словно из зимней сказки.

Как там, в новой рекламе нашего банка: «Это всё не зря».

3-го я в Москве. 6-го Юлия привозит маму, чтобы она не пропустила рождественскую службу в своем храме – у нее там подружки и любимый батюшка. 15-го Ибрагимов приезжает ко мне домой.

Конечно, он человек из другого мира. Живет в другом формате. Специальные сотрудники продумывают движение его кортежа (из двух машин, но всё же). Рассчитывают, где забрать, где высадить по минутам.

Говорит, что сотрудничество продолжаем, но дистанционно (впрочем, оно и так на 95% было дистанционным). Продолжаем, несмотря ни на что (тут я его не понял). Может быть, намекает на какие-то личные трудности, о которых мне не надо знать.

Жмем руки.

– Как ваша мама? – спрашиваю.

– Всё хорошо, слава Богу.

– Сколько она на «Элинапе»?

– Уже четыре года.
Я желаю ему счастливого пути.

Январь проходит в нормальном рабочем темпе. Мама регулярно сдает анализы и обследуется у Егора, того молодого врача, который направил нас в Германию. Визиты и анализы, разумеется, платные, но это, естественно, ничто по сравнению с основными тратами на препарат. Никакого ухудшения – magic bullet действительно работает.

Привезенных доз пока достаточно, плюс я заранее договорился о приобретении новых через «Мед Би» (единственная из двух клиник, где препарат можно купить у нас). Правда, накрутка – три тысячи за каждый курс. Дешевле будет за ними летать, но для этого не всегда найдется время. Можно будет просить Юлю, Сережу или кого-то еще из своих, кто будет проездом во Франкфурте.

Из нелепых новостей: после очередной стрельбы в школе где-то на Урале – Гладилина, у которой дочка учится в пафосной гимназии на Ордынке, подбила родителей из класса скинуться на новые американские бронированные парты со специальными запирающимися отсеками, в которых дети смогут прятаться в случае опасности. Почти год назад на встрече выпускников мы обсуждали три кольца охраны возле их школы, и вот теперь – новые меры. Похоже на паранойю.

Ну а 24 февраля началось то, что началось. СВО, или как ее назвать. Этот ужас. Да, мы все знали о Донбассе, о бесконечных стычках, но всё это казалось таким мелким, тлеющим... Много где в мире годами текут похожие вялые пограничные конфликты без особых обострений. Долго сыпались взаимные угрозы и упреки – но они казались пиар-ходами, игрой... А тут – ракетные удары, авиация, десанты, армии... В первые часы я не мог поверить своим глазам и ушам. С пяти утра примерно не отрываясь следил за новостями. Пошли звонки и сообщения...

Одной из первых позвонила Даша из Ментоны. Она истерически кричала в трубку:

– Он ебанулся, ебанулся!!

Признаться, тогда она своим истерическим криком взбесила меня больше, чем Гарант своим наполеоновским наскоком.

В первые недели была надежда, что горячая фаза как-то быстро завершится, – та или другая сторона получит достаточно люлей, верхушка испугается, пойдет на попятную... А потом завертелось: наступление, отступление, контрнаступление, разрушенные города, «снарядный голод», чеченцы, «Вагнер», нацисты, наемники, помощь НАТО, видео перерезаемых глоток и гранат, сбрасываемых с квадрокоптеров на сжавшихся в окопах человечков...

Возможно, у него была надежда, что первые удары Киев так шокируют, что все там обосрут, устроят новый Майдан и посадят на трон какого-нибудь Медведчука. Не прокатило.

Соловьев в эфире заговорил цитатами из Сталина – сам я, конечно, не смотрел, мама пересылала, она ж «за наших», – какой же всё это лютый пиздец.

Накрылось много проектов сотрудничества. Начался уход бизнесов. Отток денег со счетов. Возникла угроза отключения SWIFT, не говоря о прочих санкциях. Два топ-акционера внезапно погибли с разницей в день: один случайно выпил средство для чистки ванн, другой совершил самоубийство, выстрелив три раза себе в висок.

Но я-то чист, не подкопаешься. Я всегда работал прозрачно и честно, – можно проверить. И потом – во многом я лишь воплощаю поставленные передо мной задачи...

Господи, на дворе двадцать первый век: неужели нельзя было договориться, найти компромиссы, перекупить, предложить больше?

Нам отрезали тот мир, в который мы чуть было не вошли. Теперь черт его знает, как ездить в Европу, как налаживать контакты, как попасть при необходимости в Штаты... И совершенно неизвестно, что будет со страной через пять лет. Короче, назад, к очкам.

Главное – доступ к «Элипапу» не перекрыт. Его завозят в Москву. Пока есть и возможность летать за ним, хотя теперь стало сложнее. В конце концов, у меня куча знакомых там, тот же Ибрагимов...

Когда первоначальная паника улеглась, оказалось, всё не так плохо: люди ходят по улицам и гуляют в парках, заняты своими делами, машины ездят, рестораны открыты, магазины работают, в них полно товаров.

Вместо «Макдоналдс» теперь «Вкусно – и точка».

(Появилась шутка: вместо «Тиндер» будет «В койку – и точка».)

Важно, что азиатский проект не свернут, – Азия не спешит присоединяться к санкциям, – изначально для экспансии был выбран правильный вектор.

Что касается фронтовых новостей и всего с этим связанного, – тут, я для себя понял, нужна информационная гигиена. Если следить за каждым событием и ста версиями его интерпретации, включаться в массовый злобно-переможный психоз, можно самому поехать. Поэтому я только отслеживаю то, что непосредственно нужно по работе.

Встал вопрос: где проводить лето? Ради экономии можно никуда не летать. Но разве это нормально? Сколько лет у нее еще будет?.. Сколько я смогу выкручиваться? Разве будет лучше, если последние месяцы мы проведем, условно говоря, на хлебе и воде?

Думаю, она сама бы этого не хотела.

Отказ куда-то ехать создаст дополнительный драматизм, – его и без того хватает... Она начнет задавать вопросы... Зачем ее расстраивать. Не знаю, знает ли она о цене. С одной стороны, Юльке и Сереже строжайше запретил это обсуждать. Сам ни разу ничего не сказал, а она ни разу не спросила. С другой стороны, мама свободно пользуется интернетом, давно могла проверить. Может, не обратила внимания. Может, витает в облаках и гуглит больше о нижинских и александрах федоровнах, чем о болезни. Может, боится и намеренно себя отвлекает и суеверно старается ни о чем таком не читать... А может, знает цену, но не очень представляет себе, что это значит...

Какие у нас варианты? – Европа почти вся закрыта. Ну, Турция. Ну, всякие Мальдивы и Сейшелы.

Сочи сейчас дороже Турции, только без нормального сервиса... Крым – опасно...

Турция была бы дешевле... Мама, знаю, недолюбливает турок. Стамбул называет Константинополем...

Говорю ей в гостях:

– Полетели на Мальдивы?

– Ой. Когда?

– В августе.

– Ты всегда даришь такие подарки... Я буду очень рада.

Она растрогана.

– Только лететь долго...

– Ерунда. Я чувствую себя прекрасно. Твой препарат очень помог. Всё благодаря тебе. Знаешь – любая мать может только мечтать о таком сыне.

Я ее обнимаю, и мы стоим так минуты две в ее кухне, рядом с двухдверчатым холодильником, увешанным, как медалями, разноцветными магнитиками.

Островки из белого песка едва выступают над голубым океаном. Между некоторыми можно пройти по колено в воде. На них возвышаются рощи из пальм, отдельные бунгало и ресторанчики. Кое-где между островками и бунгало проложены деревянные мостики.

У нас свой остров. У нас комфортабельный дом, бассейн, бар, в котором коктейли, вино и закуски нам подает лучезарный индус.

Завтраки, обеды и ужины официанты привозят на лодке.

Здесь мягкое солнце и много ветра и совсем не так жарко, как в Средиземноморье или Таиланде.

Мы обходим остров по полоске пляжа – он неправильной формы, с тремя выступающими мысами. На стороне противоположной нашему жилищу пальмы имеют дикий запущенный вид.

Здесь есть один поваленный ствол у воды, на который мы иногда садимся, чтобы молчать и смотреть в открытый океан.

Вряд ли это рай в православном смысле, но в светском это вполне себе он.

Находиться здесь безумно дорого.

Когда стоишь на диком пляже на краю земли, на кромке суши и воды, остро ощущаешь эту границу миров... В нахождении на берегу всегда есть эта промежуточность...

Странные мысли.

Мама сухая, красивая, загорелая, с короткими седыми волосами и васильковыми глазами, в легком платье и босиком.

Мы почти всё время босиком. Мы немного потерялись в днях. Смотрю на свои ступни на белом песке. Вода набегаёт, обтекает голени, ступни погружаются чуть глубже. Отступая, вода уносит струйки песка.

Я думаю о Х-ском кладбище. Бывают же бесплатные места, – это когда нет возможности брать ни погост, ни расположение участка, – и семейные, приобретаемые через специальный аукцион. У нас такое. Там мамина мама и тетя Лера. Дело было недешевое, но я когда-то выкупил.

Я вижу перед собой этот участок с несколькими невысокими деревьями.

Рядом по ослепительному песку ползет маленький краб.

– Смотри, крабик.

Его сносит в воду.

Мама говорит:

– Отсюда вода кажется изумрудной.

Киваю.

– Знаешь, есть стихи:

изумрудное море не знает о том,
кто вдоль берега бродит,
говорящий планктон, человек ли, фантом,
что в нем зреет и бродит,
что молчит и растёт на воздушных дрожжах
предвечернего света,
в наклоненьях каких и каких падежах,
для какого факета,
он пустынный прохожий при взгляде извне,
в городском непросторе,
но у ног его блещет, как в сбывшемся сне,
изумленное море.

Я ничего не понял, но чуть не заплакал.

К счастью, подошел Биджой.

– Anything for the lady? Anything for you, sir?

– No.

– Это поэт Сергей Шестаков. А я ведь знаю много стихотворений...

Последнее звучит как-то растерянно.

– Пойдем, – беру ее под руку. – Пойдем в бар, под навес. Почитаешь мне еще. Или будем слушать истории Биджоя о том, как он работал на круизном лайнере.

Мы идем по песку.

– Спросим у него, будут ли вечером на соседних островах фейерверки.

– Пообещай мне, – она сжимает мою руку, – что ты ни в коем случае не продашь ни дачу, ни квартиру и не влезешь в долги.

Я киваю, глядя перед собой.

– Ну сам подумай: это будут ненужные фокусы. И потом ты всегда должен думать о Юле и ее детях. Им надо где-то проводить каникулы, выбираться на свежий воздух...

Я киваю.

– И вообще ты за них отвечаешь.

Ночами над океаном восходит огромная белая луна.

Я ложусь спать, только когда удостоверюсь, что мама спит.

Заглянул в календарь – впереди у нас еще шесть ночей.

Последние полгода мы ежедневно сталкивались со сложностями в трансграничном движении капитала. Прыжки валютных курсов, попадание компаний в санкционные списки, пристальное внимание иностранных банков к деньгам, полученным из РФ, – всё это негативно влияло на скорость и суть финансовых отношений с зарубежными партнерами. Основной проблемой стали «зависшие» средства. Возврат происходил месяцами.

Да и сейчас никто не даст стопроцентной гарантии, что деньги до поставщика дойдут, а не затеряются на несколько недель или даже месяцев, как это было в конце весны и начале лета. Многие банки-корреспонденты больше не работают с российскими финансовыми организациями, даже с теми, что не под санкциями.

При этом сложнее стало работать и с дружественными юрисдикциями. Например, сроки открытия счетов в Гонконге сильно увеличились – банки требуют дополнительных сведений о клиенте, процедура KYC затягивается...

Мы перестали работать со SWIFT, с февраля по июль были ограничения по переводу валютных платежей. В результате решением стала релокация, – всё больше предпринимателей регистрируют компании в странах СНГ.

В Киргизии или Армении, например, можно открыть бизнес и продолжить расчеты с иностранными контрагентами. Кроме того, для многих это возможность масштабироваться, прощупать новые рынки сбыта.

Местами ситуация стабилизировалась. В логистике первый шок прошел. Хотя кризис, конечно, продолжается. Об этом говорят и увеличенные сроки доставки товаров из Китая мультимодальными перевозками, и глубина бронирования по авиаперевозкам, – до двух недель вместо двух-трех дней...

Акционеры мною довольны.

В личной беседе с одним из них я обрисовал ситуацию с мамой, – мне без разговоров выписали премию в два с половиной миллиона. В долларах это как раз еще один трехнедельный курс.

Наценка в «Мед Би» увеличилась до пяти тысяч.

По идее, после прекращения приема какое-то время сохраняется эффект.

В октябре-ноябре полечу в Германию.

Объявили частичную мобилизацию. Народ перепугался. Кто-то сразу свалил. Звонит Петя (Траян):

– Я лично знаю военного прокурора области...

Звонит Дима (по-прежнему проректор в «Содружестве»):

– Если что, можно поступить к нам в аспирантуру...

У меня должна быть бронь. Не могут же они похватать топов и бросить в окопы. Они же понимают, что тогда у них не останется нормальных управленческих кадров.

Я был уверен, что Дима и Петя свалят, но они остались и увлеченно рассказывают о перспективах работы в области военной медицины.

Спустя месяц банк подтверждает бронь.

Домработница Марина, пересказывая то, что слышала в новостях и от знакомых об очередях беглецов в Грузию и Казахстан, искренне так недоумевает:

– Если все уедут, кто же нас будет защищать?

Я говорю:

– Царь-батюшка. Он останется.

Народ, конечно, похватали. У нас из отдела призвали водителя. Абсурдно и глупо, что загремел Игорь, мой многолетний парикмахер. Пятидесятилетний чувак с артритом и ожирением...

Я кидаю клич среди одноклассников и сокурсников насчет лечения.

Приходят приличные суммы от всех. От всех!

От Джаника, Гладилиной, Даши из Франции.

От Пети и Димы.

Ляшковский из Нью-Джерси перевел 10000. Галя – три.

Когда мы встретились с ней, она рассказывает историю о Даше и Эрвье (у нее с Дашей что-то вроде соперничества, хотя непонятно, в чем: живут далеко и очень разной жизнью).

Опасаясь за детей от первого брака и бывшую жену, Эрвье еще в начале спецоперации вывез их из Киева. И – поселил на его с Дашей вилле под Ментоней. (Эрвье не француз. Фамилия – Айрапетян.) А когда объявили частичную мобилизацию, Даша «выписала» из Москвы бывшего мужа (который, по слухам, много пьет и не работает; он отец ее ребенка). Теперь живут одной большой компанией в доме на Лазурном берегу.

– Я не понимаю, – говорит Галя, – что у людей в головах чисто психологически. Ну вот как можно на такое пойти. Дело ж тут явно не в спасении близких. Вернее, не столько в нем.

– Конечно, нет, – говорю.

– Тогда почему они это сделали? Какие-то подспудные сексуальные мотивы?

– Можно и так назвать, – говорю. – Они сделали это, потому что могли.

Немного меняю тему:

– Ты же поддерживаешь СВО?

– Ну, не так черно-бело... Вначале было сильное неприятие – такое, чисто инстинктивное, знаешь, как неприятие любого насилия. А сейчас, когда всё зашло очень далеко, уже не важно, кто изначально прав, кто виноват, да и можно ли говорить в таких категориях об общественных процессах... Сейчас, скажем так, я не могу желать проигрыша своей стране, потому что на кону существование... Ну и ребят на фронте очень-очень жалко.

– А твоя выставочная тусовка? Как вам работается? Они ж там поголовно либералы?

– Во-первых, не поголовно. Это преувеличение. Потом, среди либов на самом деле большинство – сомневающиеся, но они боятся говорить то, что думают и что не принято в их тусе. А меньшинство, их лидеры мнений, медийно делают вид, что они большинство. Поэтому им так важно всё время слушать Латынину или Арестовича, это как бы наркот для мозга. ...Видишь – смешно получается: в СССР политинформацию получали от комиссаров. А они – из «независимых» медиа.

– У меня мама каждый день в VK пишет посты о русском мире и освобождении Новороссии.

– Твоя мама чудо. Хоть бы поправилась. Мы все ее очень любим.

– Спасибо, – говорю. – Хоть бы.

Я, разумеется, не рассказывал Гале и другим конкретно – об «Элинапе», его стоимости и необходимости постоянно его принимать. Сообщил просто, что рак.

Не знаю, с чем это связано, – с маминой ситуацией, СВО, огромным страхом за нее или мелким быть призванным, или всем вместе, – но я совсем перестал пить. Веду исключительно здоровый образ жизни. Спорту уделяю столько времени, сколько могу. Питаюсь правильно. Принимаю «Мезим», «Гептрал», «Отрио», витамины группы В.

Стали заметны траты, раньше казавшиеся пустяками, – например налог на машину, который, как обычно, заплатил в сентябре.

В родном селе домработницы (на границе Белгородской области) разбомбили школу. Убирая, она то и дело отвлекается и говорит:

– Нет, ну вы представляете...

В начале ноября отправляюсь в Кассель, чтобы купить дозы на *оставшееся* плюс премию плюс суммы от друзей. Странно понимать, что у меня больше *ничего нет*. Ну, зарплата, – но что-бы что-то накопить, уйдут годы...

Лечу экономом.

Опять безупречно постриженные красные клены по периметру футуристических корпусов, – куда ж они денутся.

Улыбающийся Klaus Mendel. Поблескивают очки:

– Мы очень рады видеть вас снова.

Где-то тут должны быть склады с «Элинапом».

Я спрашиваю, возможны ли скидки.

– Бывают отдельные виды медицинской страховки...

– Медицинской страховки.

– Угу.

– Или?

– Некоторые наши клиенты запрашивают помощь через благотворительные фонды.

– Благотворительные фонды.

Я представляю себе, как медленно и сильно избиваю его до тех пор, пока его немецкая рожа не превращается в месиво, пока не начинает выплевывать свои зубы.

Он ерзает и смотрит через жалюзи в коридор, где ходят другие сотрудники Santia Labs.

В течение всего визита я предельно корректен.

Итак, у нас есть еще три курса – это до середины января. Что ж: по совету друга Клауса связываюсь с фондами.

Большинство требуют заполнения онлайн-анкет.

«Опишите вашу проблему».

«Место работы», «должность», «средний размер оклада».

Несколько раз мне отказывают, где-то – просто не отвечают.

Даже если б не отказали, поставили б в очередь, – а это много месяцев, – да и выделили б что-то мизерное, ни туда ни сюда.

В один приезжаю лично, заполняю заявку на месте. Со мною беседует сотрудница – тетенька в застиранном рыжем свитере. Вдруг что-то вспомнив, говорит:

– Я же видела вас в телевизоре.

– Не может быть.

– Точно! На «РБК». Вы давали интервью. Что-то о динамичном развитии.

Я спокойно рву анкету и ухожу.

Никогда не испытывал диплопии. (Это двоение в глазах.) Я работал за компьютером, как обычно, допоздна, и тут буквы поплыли. Я посмотрел на часы на стене и понял, что с трудом различаю цифры. Тогда я прикрыл правый глаз – левым всё увидел хорошо.

Просыпаюсь утром – глаз не открывается. Веко как бы нависло. Приподнимаю его рукой – всё то же: картинка плывет, предметы наезжают друг на друга.

Звоню Свете и говорю, что приболел. Впервые за десять лет – ничего, простят.

Под глазом пульсирует боль. Я лежу на диване в затемненной комнате. Кондиционер на шестнадцати, хотя на улице минус.

Так продолжается сутки. А потом ничего – проходит.

Мне кажется, прошлый Новый год был вчера.

Да что там: кажется, многое было вчера.

Мне захотелось вести дневник. Черт-те что.

Никогда в жизни этого не делал.

Причем не на будущее, там, не ради воспоминаний, не для потомков. Я и потомков не планирую (весь ход событий показывает: не зря).

Скорее всего позже я его уничтожу.

Утром или вечером возникает потребность записать (в тетрадь, по старинке), что в голову придет. Получаются не очень связанные предложения о всякой ерунде.

Я как бы пытаюсь что-то проговорить или что-то объяснить, но выходит в основном о том, во сколько я проснулся, какая на улице температура и что я увидел за окном.

Странно смотреть на себя со стороны, наблюдать, как сижу и пишу: «За окном идет снег». Или: «За окном снег». Или: «Снег за окном».

Да: полно снега.

И на даче тоже. Маленький Ваня уже ходит. Даже не ходит, а бегают вовсю. За ним глаз да глаз. Коля, старший, трогательно за братом присматривает.

Сережа отличный отец. Отличный, но бестолковый. Я всегда буду Юльке помогать.

Елка, подарки, разговоры, – как ни в чем не бывало.

Юлька раз втихаря беззвучно поплакала. Думала, никто не видит, – стояла у плиты, отвернувшись от возможных взглядов, – хотя взглядов не было: мама с Сережей и детьми пошли гулять. Только я подглядел с балкона второго этажа.

Я тихо вернулся в свою комнату и позже ничего ей не сказал.

«За окном снег. Мама с Колей, Ваней и Сережей пошли гулять. Юля плакала».

Ок.

Продам часы Rado.

Продам часы Maurice Lacroix.

Лэндровер.

Квартиру.

Ее квартиру.

Дачу.

Дальше что?

15-го января с мамой мы гуляем в центре. Всего минус пять, тротуары расчищены, ветра нет. Я припарковался в начале Малой Никитской – идем по направлению к бульварам.

Мне чаще звонят знакомые и друзья.

Мама часто ходит на концерты в консерваторию – и вот я иду с ней.

Мне-то, собственно, другого и не надо.

Разве мне когда-то другое было надо?

Я позвонил Ибрагимову.

Он перебивает после первых слов:

– Больше ничего не говори. Я знаю, что такое рак и что значит мать.

Дальше – в течение трех дней переводит сто тысяч долларов. (Еще на два с половиной курса.)

Мы сидим с мамой в кафе напротив консерватории – она рассказывает о Карле Орфе. «Кармина Бурана». – Я всегда думал, что «Кармина». – На латыни это значит «Песни Бойерна». – А я думал, это какое-то женское имя. Вроде Брунгильды. Мама смеется: нет, то у Вагнера.

Перед нами дымящиеся чашки кофе и по куску морковного торта.

В кафе чисто, аккуратно, красиво, светло. Приветливые официанты.

Мама хорошо одета, тщательно накрашена и с обновленной прической. Спину держит ровно – не то, что я.

Она рассказывает: считать Орфа нацистом только потому, что он был популярен в Рейхе, глупо, – так же, как обвинять Вагнера в фашизме лишь за то, что он нравился Адольфу.

– Что ты, – говорю. – «Вагнер» вообще – антифашисты...

Доели торт.

Изучив себя в зеркальце, мама говорит:

– Я готова.

Во Франции мы как-то раз смотрели, как готовят фирменный омлет в средневековом кафе на Мон-Сен-Мишель. А как-то раз были на кулинарном мастер-классе Жака Пепена. (Вспомнилось.) Звоню ей, чтобы сказать: – А помнишь, как мы там были? Она, конечно, помнит: подробно описывает переулки Сен-Мишель, будто мы ходим ими снова, и с кем мы познакомились на мастер-классе (я уже не помню). Я этого и хотел: прижать трубку к уху и послушать.

Оказывается, деньги от Ибрагимова – из его фонда. Но фонд-то – помощи детям с лейкемией. Получается, он взял оттуда и как бы у кого-то отобрал. Там же очередь, как везде... Я не уверен, что попросил бы, если б знал.

Немного любопытного об истории препарата «Элинап». Ее держат втайне. Вернее, говорящие головы Santia Labs повествуют о кропотливых целенаправленных исследованиях десятков мега-умов, которые годами бились над тем, как бы спасти жизни людей. Никакой конкретики.

Но уволившийся профессор-левак (теперь преподает в Гарварде) растрюбил о том, что открытие, как и обнаружение свойств, было случайностью и никаких особых затрат на разработку компания не понесла. Затеял этукакую кампанию по разоблачению. Они с ним судятся, пока безрезультатно.

То же в левацких блогах (удивительно, как их много в Европе и Америке): эксперты (хотя уровень проверить трудно) утверждают: компоненты и изготовление несопоставимы с ценой. В Santia утверждают обратное.

Дело идет уже к настоящей весне. Мы успешно вышли на рынок Филиппин. На очереди (вернее, параллельно) Мьянма и Таиланд. Это долгий процесс. Москва светлеет от солнца и бурно оттаивает. В апреле Егор говорит, что пора подумать об уходе для мамы. Нет, сиделкой не обойтись. Сравниваю его рекомендации с рекомендациями Джаника и еще нескольких знакомых врачей-онкологов, к которым ее водил. В результате выбираю хоспис на Рублевке.

Мама не против. Ей теперь тяжело справляться по дому. Последний прием «Элинапа» был в марте.

Я занимаюсь спортом, не пью и выгляжу как атлет.

Мама это отмечает.

Я сильно погрузился в медицинскую тематику. Знаю, что в какой-то момент ей может стать больно, но это поправимо. Полностью купируется с помощью мощных эффективных анальгетиков.

Странно: у меня никого не было с Крита.

Вдруг об этом подумал, потому что, вспоминая Крит, мама перепутала Малию с Ханией.

Она теперь в огромной двухкомнатной палате с окнами в пол, выходящими в густой сосновый бор. По сути, как загородная гостиница с полным пансионом. Есть там рядом, у главного входа, и большой сад для прогулок, – в нем ухоженные клумбы, фонтанчики и скамейки. Там постоянно возятся садовники – мама говорит, скоро появятся цветы.

Кровать оборудована миллионом приспособлений.

У нее на тумбочке икона из критского монастыря.

Соснового леса несколько гектаров, они обнесены забором и оборудованы дорожками. Чудно пахнет смолой. Есть свой спуск к реке.

Некоторых пациентов заботливые медсестры возят в креслах.

Я ставлю лайки под каждым ее постом в VK, под всеми ее патриотическими открытками и фотографиями героев, под всеми пожеланиями победы русским солдатам над западными бесами.

...По поводу «никого не было» – видимо, какой-то блок. Да и особо об этом не думал. Не возникало потребности. Вернее, всё это время на самообслуживании. Вообще, то, что мужчина якобы не может долго обходиться без женщин, большое преувеличение.

На хоспис мне на первых порах пришлось взять у Юли и Сережи. (С ближайшей зарплаты начну возвращать.)

Я заехал к ним, Юля на очередной своей стройке, Коля в школе, а Сережа сидит с Ваней.

Сережа передает мне шестьсот тысяч рублей. Ему неловко, он, видно, очень боится сказать или сделать что-то не так.

– Вот, мы сняли... Это в общем-то всё...

Я беру с ободряющей улыбкой.

– Извините, – говорю, – что оставляю вас летом без отдыха.

– Ты дурак, что ли, – произносит это, как могут только близкие люди. – Садись, посиди с нами чуть-чуть.

Я сажусь на диван в гостиной, совмещенной с кухней. Ваня пару минут кокетливо мне улыбается. Теперь то катает машинки по полу, то бегаёт туда-сюда. В телевизоре мультики.

Сережа в рваной домашней футболке и шортах – моет посуду, время от времени отвлекаясь и хватая Ваню, когда тот лезет на подоконник или в шкаф.

– Ай-ай-ай! Хулиганство! Тебе заварить чаю?

– Завари, пожалуйста.

– Угу, только домою. О, смотри, – оборачивается и показывает на экран, – сейчас будут танцевать змееныш, крокодильчик и утконос. Смотри-смотри! Кайф. Это же чистая наркомания...

Ваня приносит мне пластмассовый паровозик.

– Что я должен сделать?

– Поставь на пол и нажми на трубу.

Ставлю, нажимаю. Паровоз уезжает под звуки торжественного марша. Ваня в восторге за ним следит. Когда паровоз доезжает до стены, Ваня берет его и снова приносит мне. Так повторяем раз двадцать.

Сережа дает мне чашку.

– Знаешь, что меня удивляет? – говорю. – Ведь что такое, по сути, рак? Это рост. Но ведь вся жизнь об этом. Только тут получается бесконечный рост в конечной системе.

Сережа изумленно говорит:

– А ведь точно – рак...

Когда я не понимаю его, я не переспрашиваю и не уточняю. Дальше мы просто сидим и пьем чай под «Синий трактор».

Чтобы что-то сказать, спрашиваю об СВО. Он с готовностью высказывается:

– Многие известные левые сейчас заняли идиотскую позицию: мол, империалистические хищники дерутся за рынки и ресурсы, простой народ же с обеих сторон страдает, – поэтому мы не делаем ничего. Дескать, «оба хуже». Либо мировая революция и всех свергаем, – а это, очевидно, нереально, – либо ничего. Это и есть троцкизм. То есть они просто сохраняют для себя статус-кво и продолжают комфортно жить на донаты от ютьюбовских видео, в которых праведно обличают всех.

– А ты что-то делаешь?

– Волонтёрю. Собираю аптечки для солдат.

– И какая у тебя в итоге позиция?

Сережа улыбается:

– Почему каждое девятое мая эти, – он двигает головой вбок, – закрывают мавзолей ширмой, но не сносят?.. Понимаешь, тридцать лет контрреволюции ломали СССР, но не доломали. Он по-прежнему здесь – в инфраструктуре, системе недоразорванных связей, в самой логике способа производства... Он есть еще в большинстве республик, кроме Прибалтики... В «Государстве и революции» Ленин писал, что одного захвата власти недостаточно, – надо, мол, выстраивать новую государственную машину на месте буржуазной. Что и было сделано. Но ведь этот тезис работает и в обратную сторону. Власть-то они в 91-м захватили, а сумели ли разрушить прежнюю машину? – Полностью – нет. Капитализм у нас так до конца всё и не пропитал, он только на верхушке. Отсюда такая шизофрения в головах Гаранта и компании. Они хотят и прибыли сохранить, и чтобы были виллы в Монако, и противостоять империализму, чтобы он не поглощал остатки Союза, для чего надо идти на безвозвратные траты, вкладываться в высокотехнологические производства и т.д. Тот же переход к госкорпорациям показателен... То есть нынешнее руководство – и есть та картонная ширма, а постсоциализм – временный дрейф. Надеюсь... Если страна устоит и удержит суверенитет, удержит и перспективу возвращения в свое, м-м, будущее-прошлое, что ли...

– Понятно, – медленно кивая.

На экране конвульсивно пляшут мультяшные пчелы.

Кстати, вот и девятое мая. Весь день пришлось работать, и к маме не заехал. Но, разумеется, в VK поставил лайк под ее открыткой-поздравлением с Победой. Еду 10-го – мама в хорошем настроении. Мы гуляем в парке. Мама ходит медленно. Останавливается у клумб и изучает цветы. Я всматриваюсь: она не выглядит подавленной. Она исхудала, ослабла, но не видно страха и тоски.

Говорит, познакомилась с бывшей балериной Большого театра, – одной из пациенток. Та танцевала с самой Максимовой. Теперь они подружки. Я рад, что есть с кем общаться. Кроме того, тут постоянно работают психологи. Проводят сеансы музыкальной терапии. Празднуют дни рождения. Устраивают трогательные вечеринки для тех, кто в состоянии принять участие.

Здесь невероятная атмосфера – вообще кажется, что люди здесь крепче, чем те, что за забором.

11-го я тоже свободен, поэтому приехал. Приехали и Юлия с Сережей, привезли Колю и Ваню. Мама их всё время гладит и покрывает поцелуями.

Солнечно. Мама говорит, среди сосен хорошо гулять и в дождь. А когда ливень – приятно смотреть из больших окон на лес.

Мы дошли до реки. Река здесь течет спокойно и гладко. Коля взял камешек и бросил в воду. Пошли круги.

Мама просит Юлию привозить племянников чаще. Они в сотый раз обнялись. На парковке всплакнул Сережа. Он не смог скрыть, но отвернулся и быстро привел себя в порядок. Дети не заметили.

В банке распространили негласную рекомендацию – сотрудникам за границей не отдыхать. Я усмехнулся. 2-го июня мама говорит, что хочет съездить к тете Лере.

Я не могу – нет, не в плане времени. Прошу Юльку – она стальная. Свзила.

Как же мне ее благодарить.

Мама созвонилась с бабушкой, и на следующий день он приехал к ней.

Врачи в один голос говорят, что то, что она так долго продержалась, невероятно.

В маме светятся ее васильковые глаза.

К 15-му мама всё больше лежит. Она регулярно пишет в VK что-то духоподъемное и радостное. Пишет, у Времьевского выступа наши герои доблестно сражаются против немецких танков, как в 42-м. В комментариях ее поддерживают подружки.

Сидя рядом с ней, я держу ее за руку.

17-го она пишет: «Мне лучше. Съела на обед несколько ложек каши и половину огурца».

Эпилог

Галя, которая недавно организовывала похороны деда, сказала, чтобы, когда я поеду договариваться на кладбище, оделся как можно проще и не показывался на машине. А также не надевал часы. Там всем заправляет одно любопытное землячество с юга.

Их бригадир тоже косит под простенького, – потертая куртка, старые джинсы, подъехал на «шестерке». А у самого маникюр.

Семьсот тысяч – чтобы выкопать яму!! Это не считая остального. Я сбил до трехсот.

Пришлось взять небольшой кредит – разумеется, отдам до конца года.

Мы успешно вышли на рынок Камбоджи, Лаоса, Таиланда.

– Ты знаешь, – недавно говорила мама, – что можно просто радоваться солнышку?

Я кивал.

– Конечно, знаешь. Я помню лето, когда тебе исполнилось пять, и ты по утрам обязательно выглядывал в окно и смотрел на деревья в палисаднике, и такой ты был каждый раз счастливый – просто от того, что видел солнце и деревья. Я тогда многому училась у тебя.

Ибрагимов говорит, что всё это, конечно, психологически тяжело, но надо продолжать работу, несмотря ни на что не следует стоять на месте. Есть новый проект.

Несостоявшийся пригожинский мятеж я из-за похорон почти не заметил. Мне не было до него дела.

Меня признали вторым самым эффективным банковским топ-менеджером в России.

Я вдруг думаю, не стать ли грузчиком в марокканском порту. Или ловцом черепах в Индонезии. Видел и тех и других. Странные мысли.

Звонит Наташа, зовет на юг.

В августе в парке возле дома знакомлюсь с симпатичной казашкой – зацепилась глазами, я игру поддержал. Она напомнила мне Розу. Сидя рядом за столиком в кафе, она смотрит на мою руку:

– Настоящие Rado.

Не может поверить своему счастью.

По полной кутнул.

Мамина квартира стоит закрытая. Рано туда пока ехать.

Я кое-что записываю (например, про грузчика и ловца черепах), но позже дневник, конечно, выброшу.

Недалеко от дома, возле храма, встретил Полину. Ее лицо чернее, чем ее одежда.

– Моего миленького убили на войне.

Подумал, она тронулась. Ее муж подорвался на mine в Чечне двадцать с лишним лет назад.

– Мой братик погиб на Донбассе. Он поехал туда добровольцем, защищать Русь Святую.

Я не стал кричать: «Какую еще Русь?!», просто ее обнял.

Через день тренировки. Я подкачался и теперь похож на супермена. С поправкой на возраст.

Каждый раз под надзором Энрике прорабатываю разные группы мышц.

Теперь меня стрижет другой парикмахер: Леша из Белоруссии. Мастер от Бога.

В воскресенье звонит двоюродный брат Вова, он подшофе. Говорит:

– Толечка... Давно не виделись...

Я сообщаю ему о маме.

– Какое горе, братишка...

– Слушай, а давай я заеду к тебе через час.

Вова еще почти трезвый. Совсем седой, с животом.

Он несколько обалдел от моего внешнего вида: наверное, я произвел на него примерно такое же впечатление, какое он производил на меня в 90-е.

Я ожидал увидеть квартиру алкаша. А увидел образцовый быт восьмидесятых. Похоже, Вова не менял тут ни мебель, ни занавески, ни проигрыватель, ни обои, ни ковер на стене. Всё старое, но чистое. На стене, среди прочих, его фотография 88 года – в форме и с автоматом: подтянутый выпускник военной академии приносит присягу родине.

Обнимает.

Проходим в кухню, наливает.

– Я до двух не пью. С этим строго. Ну а после – обязательно.

Коротко пересказываю, что было.

Он говорит:

– Помянем Екатерину Ивановну.

Я давно не пил, тем более водку. Но чуть-чуть пригубливаю.

Поначалу Вова держится. Отмечает мою физическую форму, спрашивает о Юльке. Через полчаса скатывается в прерывистый монолог:

– Охранником в «Меге» пока. Ну, там, разруливаю, то се. Ленка решила вернуться – я ей хер. Молодое мясо. На самом деле, есть дизайнер. Бутылку сделал. В Калуге запустим линию. Свою водочку. Только вчера мне снилась. На самом деле, я тебя обнимаю, братишка. Только про Калугу никому... Так вот я о ней тоскую, так мне ее не хватает, понимаешь? Каждый день!..

Бьет кулаком по стене.

За окном сваливается стеной ливень. Я отодвигаю занавеску.

– Всю жизнь чертежницей проработала, а в шестьдесят почки отказали. Я здесь ничего не трогаю, чтоб всё как при ней.

Я понял: это он говорит о своей маме. Пауза. Потом:

– Молодое мясо.

– Что?

– Молодое мясо. Поехали снимем.

А, вот что.

Потом плачет – жалко маму. Задремывает на стуле.

Я перетаскиваю его на диванчик. Сквозь сон бормочет:

– Хохлы... суки...

Немного погода выхожу и спускаюсь по лестнице и собираюсь было пойти на станцию пешком под дождем (я же немного выпил, машину придется оставить), но потом понимаю, что это глупо, – ливень стеной, – и вызываю такси.